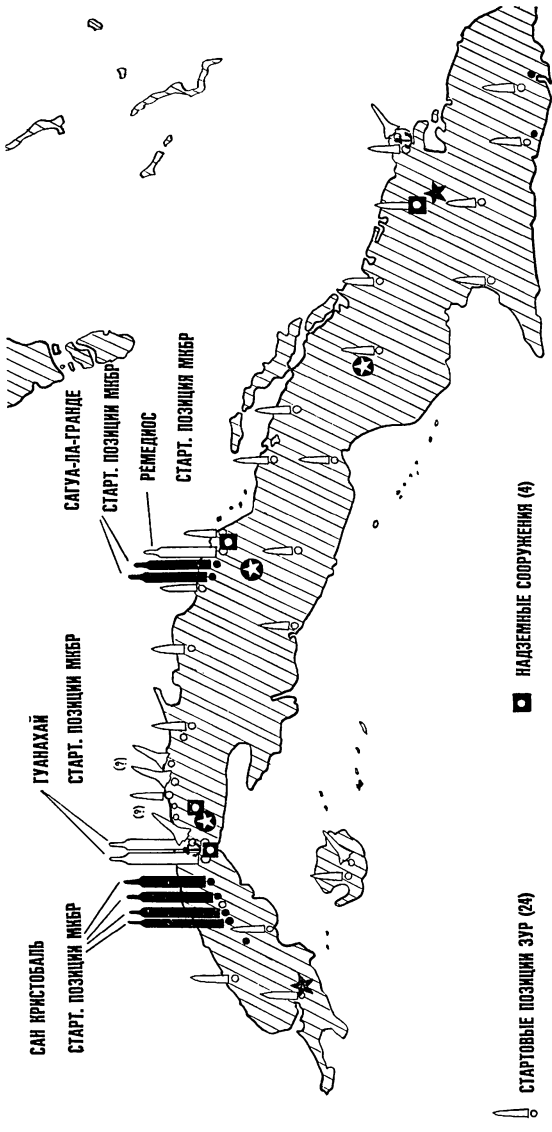

Роберт Кеннеди

13

ДНЕЙ

САН КРИСТОБАЛЬ

СТАРТ. ПОЗИЦИИ МНБР

ГУАНАХАЙ

СТАРТ. ПОЗИЦИИ МНБР

САГУА-ЛА-ГРАНДЕ

СТАРТ. ПОЗИЦИИ МНБР

РЕМЕДИОС

СТАРТ. ПОЗИЦИИ МНБР

! СТАРТОВЫЕ ПОЗИЦИИ ЗУР (24)

✂ БЕРЕГОВЫЕ СТАРТ. ПОЗИЦИИ (5)

⚓ БАЗЫ ПАТРУЛЬНЫХ СУДОВ (2)

✈ АВИАБАЗЫ МИГ-21 (3)

▣ НАДЗЕМНЫЕ СООРУЖЕНИЯ (4)

★ АВИАБАЗЫ ИЛ-28 (2)

🚒 СТАРТ. ПОЗИЦИИ МНБР СРЕДНЕЙ ДАЛЬНОСТИ (6)

🚒 СТАРТ. ПОЗИЦИИ МНБР ПРОМЕЖУТОЧНОЙ ДАЛЬНОСТИ (3)

СОВЕТСКИЕ СООРУЖЕНИЯ НА КУРЭ

Роберт Кеннеди

13

ДНЕЙ

**СВИДЕТЕЛЬСТВО
О КУБИНСКОМ КРИЗИСЕ**

Editions de la Seine

Paris

ПЕРЕВОД ИЛЪИ БРУКСА

Copyright © 1969 by W. W. Norton & Company

Printed in Belgium

ВВЕДЕНИЕ

БЫВШЕГО МИНИСТРА ОБОРОНЫ США

Роберта С. Макнамары

Перед лицом опасности разрывается та защитительная завеса, которая прикрывает внутреннюю жизнь каждого из нас. Внезапно и драматизно — опасность обнажает подлинную сущность человека. Совместная подверженность опасности создает между людьми более тесные узы, более глубокое взаимопонимание, чем десятилетия близкого общения. Так случилось, что в период кубинского кризиса я узнал и полюбил Роберта Кеннеди, и стал его поклонником.

За несколько недель до смерти он попросил меня набросать кое-какие воспоминания об этом периоде. Вот, что я тогда написал:

Как известно, осенью 1962-го года Советы расположили на Кубе наступательное оружие, включая баллистические ракеты. Мир огутился — как многие из нас тогда считали, и как впоследствии было признано всеми, — перед угрозой катастрофической войны, самой серьезной со времени наступления атомного века. По словам премьер-министра Макмиллана, эти несколько недель кризиса были самым напряженным периодом, который он пережил за десятки лет государственной службы, включая вторую мировую войну.

В эти критические дни правительство Соединен-

ных Штатов проявило более интенсивную деятельность, чем в любой другой период моего семилетнего пребывания на посту министра обороны. Правительственные органы: государственный департамент, гражданские и военные руководители министерства обороны, ЦРУ, сотрудники Белого Дома, — работали гладко и согласованно. В большой степени — благодаря усилиям Роберта Кеннеди. Именно он, пользуясь доверием брата, согласовывал нашу работу, подводил итоги, и способствовал оформлению рекомендаций, представленных президенту.

Но роль Роберта Кеннеди далеко не ограничивалась заданиями административными. Когда встала дилемма политического порядка: разрушить ли ракеты массированной атакой с воздуха и на суше или применить средство гораздо менее рискованное — морскую блокаду, — он выступил решительным сторонником блокады.

Сторонником блокады он был потому, что понимал, что предполагаемая многими атака с воздуха и на суше повлечет за собой смерть тысяч ни в чем не повинных кубинских мирных жителей и тысяч американских солдат. Он понимал также, что она несет в себе риск использования против Соединенных Штатов расположенного на Кубе ядерного оружия, а также — применения Советским Союзом репрессивных мер против Берлина и других уязвимых пунктов на периферии Североатлантического союза.

Он был противником внезапного массированного нападения великой державы на малую и потому, что считал это бесчеловечным, противным нашим традициям и идеалам, считал жестокостью, которую мир нам никогда не простит.

Он понимал, — тогда, как и сейчас, — что, охраняя наши жизненные интересы, президент

США должен прежде всего стремиться к предотвращению столкновений между атомными державами, грезатых термоядерной катастрофой.

Цель была — заставить русских удалить с Кубы ракеты, не прибегая к войне, и цель эта была достигнута. Достигнута она была благодаря политической стратегии, применяемой его братом, оформлению которой он способствовал, стратегии, заключавшейся в том, чтобы оказывать на Советы давление, но не загонять в тупик, не ставить их в положение, грезатое пагубной, иррациональной, ускользающей из-под контроля реакцией.

Как в концепции, так и в применении этой политической стратегии, Роберт Кеннеди оказался искусным дипломатом. Когда поступило от Хрущева два противоречивых послания, одно — благоприятное, а другое — неблагоприятное, по совету Роберта Кеннеди было решено ответить только на первое и не отвезать на второе. Это он, фактически, составил проект ответа, в котором переизсылались приемлемые для нас пункты соглашения, с ссылкой на различные, гасто разнородные, советские послания. Именно эти пункты и легли в основу конечной договоренности.

Во весь этот критический период, — самый напряженный из всех, когда-либо пережитых мной, — Роберт Кеннеди сохранял спокойствие духа, оставался твердым, но умеренным, никогда не раздражался, не терял самообладания.

В те дни, как гасто и в других обстоятельствах, Роберт Кеннеди проявил исключительное созетание энергии и мужества, мудрости и геловеколюбия.

Когда я писал эти строки, я не подозревал о том, что он сам готовит рассказ о тех критических днях. По прозтении его рукописи, столь волнуящего свидетельства о пережитом, мне остается

только повторить, сквозь слезы, сказанное раньше:
« В те дни, как часто и в других обстоятельствах,
Роберт Кеннеди проявил исключительное сожета-
ние энергии и мужества, мудрости и человеко-
любия ».

1

Во вторник утром 16-го октября 1962-го года, в девять часов с минутами, президент Кеннеди позвонил мне и попросил прийти в Белый Дом. Он сказал мне только, что у нас крупные неприятности. Немного спустя, у себя в кабинете, он сообщил мне, что один из наших самолетов «У-2» только что вернулся из фоторазведочной командировки и что разведывательные органы пришли к убеждению, что Советский Союз размещает на Кубе ракеты и ядерное оружие.

Так начался кубинский кризис, столкновение двух атомных гигантов, доведшее мир до края пропасти, до угрозы ядерного разрушения и конца человеческого рода. С этого момента в кабинете у президента Кеннеди вплоть до воскресенья утром, 28-го октября, — кризис этот стал всей моей жизнью, а также — жизнью американцев, и русских, и вообще всех людей на свете.

В то же утро, в 11.45, в зале заседаний совета министров, Центральное разведывательное управление сделало официальный доклад некоторым из главных членов правительства. Нам показали фотографии. Эксперты развернули карты и указали на некоторые пункты. Если всмотреться внимательно — заявили они — можно увидеть, что в поле, недалеко от Сан-Кристобаля на Кубе, строится ракетная база... Лично мне приходилось верить им на слово. Я тщательно разглядывал эти снимки, но то что я видел, походило всего лишь на расчищенный участок поля, который мог бы с таким же успехом служить фундаментом для какой-нибудь фермы или дома. Позже я с

облегчением узнал, что точно так же реагировали все присутствовавшие на собрании, включая президента Кеннеди. Несколько дней спустя, когда работа на этом участке подвинулась, он даже заметил, что участок похож на футбольную площадку.

Господствующим на собрании чувством было величайшее изумление. Никто не предполагал и не предвидел, что русские станут располагать на Кубе ракеты класса «земля-земля». Я вспомнил встречу с советским послом Анатолием Добрыниным в моем бюро несколько недель назад. Он приходил сообщить, что русские готовы подписать договор о запрещении надземных ядерных испытаний, если мы договоримся по некоторым пунктам, касающимся испытаний подземных. Я ответил, что передам это предложение — вместе с сопроводительными документами — президенту Кеннеди.

Тогда же я прибавил, что все мы, члены правительства, глубоко озабочены масштабом военного оборудования, поставляемого Кубе. В то самое утро мне как-раз пришлось обсуждать этот вопрос с президентом Кеннеди, государственным секретарем и министром обороны. По некоторым признакам можно было предполагать, что помимо стартовых позиций ЗУР (зенитных управляемых ракет), русские строят — под видом рыбацкого поселка — крупную судоверфь и базу для подводных лодок. За всем этим мы установили тщательное наблюдение: через агентов на Кубе, посылавших хотя и неполные, но все же порой существенные донесения о военных сооружениях, путем опроса прибывающих во Флориду беженцев, — разумеется, после тщательной проверки их благонадежности, — а также, с помощью разведочных самолетов «У-2».

Предвыборная кампания была в полном разгаре. Осенние месяцы — сентябрь и октябрь — протекали в атмосфере взаимных нападков и обвинений. Республиканская партия заявляла, что «смотрит с тревогой» на то, что Соединенные Штаты не принимают нужных мер для обеспечения своей безопасности. Некоторые — как, например, сенатор штата Индиана Гомер Е. Кэйпхарт, — предлагали приступить к военной интервенции.

Я сказал Добрынину, что президент Кеннеди глубоко озабочен происходящим. Посол ответил, что для этого нет оснований. Председатель совета министров СССР Н. С. Хрущев уполномочил его заверить президента Кеннеди, что ни ракет класса «земля-земля», ни другого какого-либо наступательного вооружения, на Кубу поставлено не будет. Кроме того, — заявил он, — я могу заверить президента, что и упомянутое военное строительство так же значения не имеет. Хрущев не делает ничего такого, что могло бы подорвать отношения между нашими странами в предвыборный период. Хрущев — добавил посол — питает симпатию к президенту Кеннеди и отнюдь не желает ставить его в затруднительное положение.

Я заметил, что симпатию свою Хрущев выражает весьма странным образом. Деятельность русских на Кубе вызывает в Соединенных Штатах глубокое беспокойство. Чего стоят заверения в дружбе одновременно с деятельностью военного характера в районе Карибского моря? Я прибавил, что мы внимательно следим за развитием положения. Пусть он знает, что размещение советским Союзом на Кубе ракет повлечет за собой самые серьезные последствия. «Этого никогда не будет» — успокоил он меня — и ушел.

Я доложил об этом разговоре президенту Кеннеди, государственному секретарю Дину Раску и

министру обороны Макнамаре. Они, как и я, отнеслись к заверениям посла скептически. Я предложил сделать недвусмысленное заявление о том, что Соединенные Штаты ни в коем случае не потерпят размещения на Кубе ракет «земля-земля» или других видов наступательного оружия.

В тот же день, 4-го сентября, президент Кеннеди, исходя из проекта, составленного заместителем министра юстиции Никласом Каценбахом и лично мной, опубликовал соответствующее предостережение, в котором указывалось на серьезные последствия подобных действий со стороны Советов.

Неделю спустя, 11-го сентября, Москва выступила с публичным опровержением приписываемых ей намерений и заявила, что не видит надобности размещать ядерные ракеты где бы то ни было за пределами Советского Союза, включая Кубу.

В это же время одно важное лицо, принадлежащее к советскому посольству, вернулось из Москвы и вручило мне личное послание Хрущева президенту Кеннеди. Хрущев хотел, чтобы президент был твердо уверен в том, что ни при каких обстоятельствах ракет «земля-земля» на Кубу послано не будет.

Теперь, утром 16-го октября, когда представители Центрального разведывательного управления разъяснили нам значение сделанных с самолета «У-2» снимков, нам стало ясно, что все советские заверения были ложью, — огромным сплетением лжи. Успокаивая президента Кеннеди, русские располагали на Кубе ракеты, продолжали перевозить их на своих судах, и уже приступили к постройке стартовых установок.

Всеми нами овладело чувство возмущения и недоумения. Хрущев нас обманул, но мы и сами себя одурачили. Ни один из членов правительства ни разу не указал президенту Кеннеди на то, что

военная помощь, оказываемая русскими Кубе, может включать и ракеты. Президент неоднократно обращался к разведывательному управлению, запрашивая точную оценку положения, вытекающего для Соединенных Штатов из наращивания на Кубе военного потенциала. В 1962-ом году президенту было представлено четыре рапорта о положении на Кубе и в районе Карибского моря. В каждом из них, как и в прогнозе событий в национальном масштабе, разведывательные органы выражали мнение, что русские наступательным оружием Кубу снабжать не станут. Последний рапорт перед собранием 16-го октября был датирован 19-ым сентября. В нем президенту сообщалось, что, после всестороннего обсуждения и исследования вопроса, американская разведка пришла к заключению, что Советский Союз отнюдь не намерен превращать Кубу в стратегическую базу. В этом рапорте указывалось на то, что и в прошлом русские ничего подобного не предпринимали в сателлитных странах, а в данном случае они конечно знают, что риск репрессивных мер со стороны Соединенных Штатов слишком велик.

Позднее, анализируя события в прошлом, мы удостоверились в том, что кое-какие донесения с Кубы, поступившие в сентябре, уже содержали указания на наличие ракет. В большинстве случаев донесения бывали ошибочными. Некоторые наблюдатели, за недостатком опыта, принимали зенитные ракеты за ракеты класса «земля-земля». Но некоторые донесения, как потом оказалось, соответствовали действительности. Так, в одном из них, поступившем от бывшего служащего гостиницы «Хильтон» в Гаване, сообщалось о сооружении ракетной установки около Сан-Кристобалья. Автор другого донесения как-то вечером подслушал, как личный пилот Фиделя Кастро, в пьяном

виде, хвастливо распространялся о том, что скоро придут на Кубу советские ядерные ракеты.

Но прежде чем принимать во внимание эти донесения приходилось проверять их вновь и вновь. Их даже не считали достаточно вескими, чтобы сообщать о них президенту или другим членам правительства. Оглядываясь на прошлое, можно считать это ошибкой. Но из того же анализа прошлого следует, что Соединенные Штаты все равно ничего не могли предпринять до того самого времени, когда они фактически перешли к действию. Ведь до 16-го октября даже имевшиеся в нашем распоряжении фотоснимки не были достаточно показательны, чтобы с помощью их убедить народы и правительства в наличии на Кубе наступательных ракет. Тем более недостаточно было донесений, передаваемых беженцами и не подкрепленных вещественными доказательствами.

Существенным остается тот факт, что ракеты все-таки были обнаружены, что страна и правительство узнали об этом еще до того, как они были приведены в боевую готовность, и что Соединенные Штаты своевременно смогли принять соответствующие меры.

Те же люди, что присутствовали в то утро на собрании в зале заседаний правительства, продолжали встречаться почти непрерывно в ближайшие двенадцать дней, и почти ежедневно — в последующие шесть недель. К этой группе людей, которая стала называться «исполнительным комитетом Национального совета безопасности», примкнули также: государственный секретарь Дин Раск, — министр обороны Роберт Макнамара, — директор Центрального разведывательного управления Джон Маккоун, — министр финансов Дуглас Диллон, — советник президента по делам национальной безопасности Мак Джордж Банди,

— юрисконсульт при президенте Теодор Соренсен, — помощник государственного секретаря Джордж Болл, — заместитель помощника государственного секретаря Ю. Алексис Джонсон, — председатель Комитета начальников штабов генерал Максуэл Тэйлор, — заместитель государственного секретаря по делам Латинской Америки Эдуард Мартин, — Чип Боулен, отбывший после первого же дня во Францию, чтобы занять там пост посла, и замененный Ллевелином Томпсоном в качестве советника по русским делам, — Росуэл Джилпатрик, заместитель министра обороны, — Пол Нице, помощник заместителя министра обороны. Время от времени присутствовали на собраниях: вице-президент Линдон Джонсон, — посол при ООН Адлай Стивенсон, — помощник президента по особым делам Кен О'Донелл, — заместитель директора Информационного агентства Соединенных Штатов Дон Вильсон. Это были те люди, которые встречались, разговаривали и спорили в те критические дни. Они представляли рекомендации, среди которых президент Кеннеди выбирал в конечном счете те, которым решал следовать.

Все они были люди большого ума, работоспособные, мужественные, преданные родине. То, что никто из них с начала до конца не оставался при одном мнении — несколько их не умаляет. Ценно было именно такое, незамкнутое в себе, непредвзятое умонастроение. У одних суждения менялись только слегка, получалось что-то вроде вариаций на ту же тему. Суждения других менялись непрерывно изо дня в день. Третьи, под влиянием событий, казалось и вовсе утрачивали способность к последовательному мышлению.

Вначале все единодушно решили, что — так или иначе — но предпринять что-то необходимо. Были, однако, и такие — хотя они составляли

явное меньшинство — кто считал, что ракеты не нарушают равновесия сил и что поэтому наличие их на Кубе ответного действия не требует. Но большинство все же считало, что выход только один: атака с воздуха и разрушение стартовых установок. Слушая их предложения, я передал президенту Кеннеди записку: «Теперь я знаю, что чувствовал Тодзио готовясь к нападению на Перл-Харбур».

2

После собрания в зале заседаний совета министров мы с президентом пошли в его покои. Дело предстояло нелегкое. Риск был велик и на карту ставилось самое ценное и существенное. Однако президент знал, что так или иначе — действовать придется. Соединенные Штаты не могли примириться с тем, что предприняли русские. Какова будет наша реакция — еще оставалось решить, но уже с самого начала не могло быть сомнения в том, что как-то реагировать надо. Стремясь к тому, чтобы совещания протекали как можно более непринужденно, и не желая привлекать внимание к себе, президент решил, что будет присутствовать не на всех собраниях комитета. Решение это было мудрым. В присутствии президента люди меняются и человек, даже с сильным характером, часто говорит то, что по его мнению соответствует желанию президента. Президент дал нашей группе задание выработать план действий, по возможности, не один, а несколько, — на выбор.

В тот первый день — во вторник после обеда и вечером — мы начали с обсуждения проекта карантина, или блокады. Уже в среду самым убежденным защитником этого проекта оказался Макнамара. Доказательство его сводилось к тому, что действие блокады, оставаясь ограниченным, всегда может быть расширено в случае надобности. Вместе с тем, мера эта не лишена драматизма и определенной жесткости, а главное, она позволит нам сохранить контроль над событиями. Позднее Макнамара еще укрепил свою позицию ссылкой

на мнение Комитета начальников штабов, согласно которому, атака с воздуха, направленная исключительно на ракетные установки, — «хирургическая», как ее окрестили, — с военной точки зрения невыполнима. Любая военная операция неминуемо распространится на все другие военные сооружения на Кубе и в конечном итоге приведет к захвату острова. Может быть — говорил он — мы до этого и дойдем, может быть обстоятельства заставят... «Но не надо начинать с этого» — пока есть надежда избежать военного столкновения с Кубой и, неминуемого затем, — с Советским Союзом.

Доводом тех, кто предпочитал блокаде военную интервенцию, было убеждение, что блокада не уберет ракет с Кубы, не остановит даже работ по сооружению стартовых установок. Ракеты уже на Кубе и все, чего мы можем добиться посредством блокады, это «закрыть ворота конюшни после того, как лошадь из нее ускакала». Кроме того, преграждая путь советским судам, мы неизбежно вступим в конфликт с Советским Союзом, тогда как все наше внимание должно быть сосредоточено на Кубе и на Кастро.

Самым веским доводом этой группы было то, что блокада Кубы даст повод русским блокировать Берлин. Если же мы тогда потребуем удаления с Кубы ракет, то и русские тоже потребуют удаления ракет, окружающих Советский Союз.

Так мы спорили и мнения наши расходились. Люди ответственные, с головой, спорили и ссорились за будущее своей страны и человеческого рода. А время, между тем, медленно истекло.

На фотографиях, снятых в среду 17-го октября, можно было видеть несколько новых площадок с шестнадцатью, а то и с тридцатью двумя ракетами, дальность действия которых превышала

тысячу миль. Военные эксперты утверждали, что ракеты эти могут быть приведены в боевую готовность в недельный срок. На следующий день, в четверг, разведывательные органы вычислили, что расположенные на Кубе ядерные ракеты представляют собой приблизительно половину всех межконтинентальных баллистических ракет (МКБР), которыми располагает Советский Союз. Фотоснимки показывали, что ракеты нацелены на ряд американских городов и по подсчету выходило, что через несколько минут после их запуска будет убито восемьдесят миллионов американцев.

Члены Комитета начальников штабов единодушно требовали немедленного открытия военных действий. Они настойчиво доказывали бесполезность блокады. Генерал Куртис Лемэй, начальник штаба воздушных сил, упорно старался убедить президента в необходимости военной операции. На вопрос президента, как же на нее будут реагировать русские, Лемэй уверял, что со стороны русских никакой реакции не последует. Но к этому президент Кеннеди отнесся скептически: «Они, так же как и мы, не могут оставаться безучастными к развитию событий. После всех своих заявлений, они не могут сложить руки смотреть на то, как мы овладеваем их ракетами и убиваем притом немало русских. Если они ничего не предпримут на Кубе, то в Берлине — непременно».

Президент прибавил, что признает обоснованность аргументов начальников штабов, сознает опасность все растущего на Кубе числа ракет, и понимает, что в случае нашего бездействия, русские, убедившись в полном бессилии Соединенных Штатов, проявят вероятно инициативу в Берлине и в других частях света. И тогда предпринять что бы то ни было на Кубе будет поздно потому, что к

тому времени ракеты уже будут готовы к действию.

Генерал Дэвид Шуп, командующий морской пехотой, резюмировал то, что все мы чувствовали, следующими словами: «Вы попали в скверную переделку, господин президент». Президент с живостью ответил: «И вы — со мной»! Все рассмеялись и, не приняв никакого решения, перенесли собрание на следующий день.

Немного погодя Макнамара, — хотя он и заявил перед тем, что несогласен с начальникам штабов и предпочитает блокаду военной интервенции, — сообщил президенту, что нужные самолеты и воинские части с их боеприпасами уже собраны и готовы вступить в действие совместно с бомбардировочной авиацией во вторник 23-его октября, если президент решит именно так. По диспозиции, в первоначальной стадии операции, предусматривалось пятьсот вылетов, с целью нанести массированный удар по всем военным объектам, включая ракетные установки, аэродромы, порты и артиллерийские базы.

Я поддерживал позицию Макнамары в пользу блокады. Не потому, что был как-то особенно глубоко убежден в ее целесообразности, а потому, что она допускала, как мне казалось, бóльшую гибкость в действиях и заключала в себе меньший риск. А главное, я, как и другие, не мог примириться с мыслью, что Соединенные Штаты без предупреждения забросают бомбами Кубу и что тысячи и тысячи мирных жителей при этом погибнут. Может быть, у нас и не было лучшего выбора, но я просто не мог вообразить Соединенные Штаты в такой роли.

На наши собрания стал приходить и бывший государственный секретарь Дин Ачесон. Он был убежденным сторонником воздушной атаки. Я

был большим поклонником Ачесона. В 1961-ом году президент Кеннеди поручил ему сделать доклад Национальному совету безопасности с предложениями мер воздействия на русских, угрожавших Берлину. Слушая этот доклад я тогда подумал, что никогда прежде не слышал такого ясного и убедительного изложения, и что ни за что не хотел бы оказаться его оппонентом в споре. А теперь он доказывал, с такой же ясностью, так же блестяще, что у нас только один выбор: воздушная атака и вторжение на остров. Он говорил, что президент Соединенных Штатов ответственен за безопасность американского народа и всего свободного мира, что он обязан принять ту единственную меру, которая может безопасность эту обеспечить, а именно — разрушение ракет.

Я возразил, не без волнения, что каковы бы ни были военные и политические доводы, заставляющие предпочитать военную интервенцию блокаде, традиция и история Соединенных Штатов этого не позволяют. Какие бы ни приводились военные и прочие аргументы, все они сводятся, в конечном счете, к оправданию нападения великой державы на малую. На это — говорил я — Соединенные Штаты не могут согласиться, если хотят сохранить моральный авторитет и у себя дома и во всем мире. Наша повсеместная борьба с коммунизмом не сводится к одной только борьбе за физическое существование. На карту поставлено наше наследие, наши идеалы, и мы не вправе их предавать.

В первые пять дней мы потратили больше времени на обсуждение нравственной стороны вопроса, чем на все другое. Время от времени возникали разные предложения: то письменно предупредить Хрущева за 24 часа до начала бомбардировки, то написать лично Кастро, то забросать Кубу листовками с перечислением объектов пред-

стоящей атаки, — но все эти проекты отставлялись один за другим, по соображениям военного или иного порядка. Каждый отстаивал свое мнение, спорил с другими и с собственной совестью, потому что вопрос этот каждого глубоко волновал.

В самом разгаре этих споров президенту нанес визит Андрей Громыко. Свидание было назначено задолго до того, как были обнаружены ракеты, и президенту казалось, что аннулировать его неловко. Он колебался, сообщить ли советскому министру иностранных дел, что ракеты обнаружены или не сообщать, и в конце концов решил, что лучше не сообщать, пока мы не установили окончательного плана действий, чтобы инициатива не перешла к русским. Он решил просто выслушать то, что скажет Громыко.

Они встретились в среду, к концу дня, в кабинете у президента в Белом Доме. Громыко начал разговор с предложения, чтобы Соединенные Штаты перестали угрожать Кубе. Все к чему Куба стремится — сказал он — это мирное существование. Ее нисколько не интересует экспортировать свой режим в другие страны Латинской Америки. Куба, как и Советский Союз, жаждет только мира. Премьер-министр Хрущев поручил ему, Громыко, уведомить президента о том, что вся оказываемая Кубе помощь состоит в поставке оборудования для сельского хозяйства и обработки земли, чтобы кубинцы могли себя прокормить. К этому прибавляется небольшое количество оборонительного оружия. Ввиду шума, поднятого вокруг этого в американской печати, Хрущев считает нужным настоятельно подчеркнуть, что Советский Союз не станет ни при каких обстоятельствах снабжать Кубу оружием наступательным.

От имени Советского Союза и премьер-министра

Хрущева, Громыко закончил призывом к Соединенным Штатам и к президенту Кеннеди, способствовать ослаблению напряженности в отношениях с Кубой.

Президент Кеннеди слушал его удивленно, в какой-то мере даже восхищаясь таким апломбом. Твердо, но все же учитывая провокацию, и потому — очень сдержанно, он ответил, что напряженность поддерживают не Соединенные Штаты, а Советский Союз. Тот факт, что Советский Союз снабжает Кубу оружием, глубоко задевает американский народ, и сам президент очень озабочен. Полагаясь на личные заверения Хрущева, он публично выступил против интервенции, но вот, положение становится все более и более опасным.

Громыко повторил, что единственная цель СССР — «снабжать Кубу хлебом и предотвратить голод в этой стране». Что же касается оружия, то Советский Союз послал всего лишь несколько специалистов, чтобы обучить кубинцев обращаться с кое-каким вооружением, исключительно оборонительным. Он сказал, что подчеркивает слово «оборонительное», что никакое оружие, поставленное Кубе не представляет угрозы Соединенным Штатам.

Президент ответил, что не может быть никакого сомнения относительно позиции Соединенных Штатов, что позиция эта была изложена Советскому Союзу в разговорах министра юстиции с советским послом Добрыниным, а также в публичных выступлениях самого президента. И во избежание недоразумений, президент прочел вслух свое заявление от 4-го сентября, в котором ясно было сказано, что размещение Советским Союзом ракет или другого наступательного оружия на Кубе, повлечет за собой самые серьезные последствия.

Громыко заверил президента, что этого никогда не будет и что Соединенным Штатам не о чем беспокоиться. Коротко коснувшись некоторых других вопросов, Громыко простился.

Я заглянул мимоходом в Белый Дом вскоре после ухода Громыко. Должен сказать, что от разговора с представителем Советского Союза у президента Соединенных Штатов осталось впечатление мало приятное...

3

В четверг вечером, бо́льшая часть нашей группы высказалась в пользу блокады. В тот же вечер, примерно в четверть десятого, наш комитет переправился из государственного департамента в Белый Дом. Чтобы длинная вереница машин не привлекла к себе внимания, мы все разместились в моем автомобиле: Джон Маккоун, Максуэл Тэйлор, водитель и я сам — плотно стеснились на переднем сидении, а шестеро остальных — сзади.

Мы изложили президенту наши рекомендации. В начале казалось, что собрание протекает в порядке и вполне удовлетворительно, но, по мере того как присутствующие высказывались, по мере того как президент задавал вопросы, требовавшие уточнения, мнения снова начинали меняться, причем по вопросам не только второстепенным. Некоторые переходили от одной крайности к другой: начинали с того, что защищали план атаки с воздуха, а покидая Белый Дом, предлагали отказать от всякого действия вообще.

Президент, вовсе не удовлетворенный, предложил нам возобновить совещания, а сам вернулся к установленному расписанию времени и к своим предвыборным обязательствам, так-как малейшее отклонение от них могло бы вызвать подозрения.

На следующее утро, на собрании в государственном департаменте, между нами снова возникли острые разногласия. Стало сказываться напряжение бессонных ночей. Но даже много лет спустя, такие проявления человеческой слабости, как нетерпимость или вспышки гнева, кажутся вполне

законными. Ведь от каждого из нас требовалось, чтобы он ответил на вопрос, от которого зависело будущее всего человечества, чтобы он внес предложение, которое, если будет принято и окажется ошибочным, повлечет за собой истребление человеческого рода. Такая ответственность странно отражается на людях, даже на людях опытных, зрелых, блестящих, вполне уверенных в себе. В одних проявляются такие черты и качества, о присутствии которых они и сами не подозревали, других это напряжение подавляет и они не выдерживают его.

Положение осложнялось еще и тем, что решения самоочевидного и простого не было, и быть не могло. Категоричность, уверенность в своей правоте — были здесь просто немыслимы. Каждая позиция имела свои слабые стороны, и те, кто ее оспаривали, подчеркивали именно эти ее стороны, и часто обличали ее несостоятельность.

В конце концов мы установили метод работы, который должен был позволить выработать и представить президенту разумно обоснованные рекомендации. Мы знали, что время уходит и что больше медлить нельзя. Мы разделились на две группы с тем, чтобы каждая из них письменно изложила свои предложения, начиная, в общих чертах, с обращения президента к американскому народу, и кончая перечислением дальнейших мероприятий, учитывая притом возможность непредвиденных обстоятельств и предлагая меры, чтобы быть готовыми к любому из них.

В начале второй половины дня, мы обменялись разработанными планами и каждая группа занялась анализом и критическим разбором предложений другой группы. Затем документы шли обратно к составившей их группе, которая пополняла их, принимая во внимание критические за-

мечания. Постепенно из всего этого стали выступать контуры окончательных планов. Группа, стоящая за блокаду, выдвигала юридические обоснования ее, устанавливала календарь созыва Организации американских государств, предусматривала роль ООН, уточняла процедуру задержания судов и те обстоятельства, при которых пришлось бы применить силу. Вторая группа, стоящая за безотлагательную интервенцию, перечисляла зоны предполагаемых военных действий, выдвигала аргументы для оправдания нашей позиции в ООН, советовала, как обеспечить себе поддержку стран Латинской Америки, и предлагала послать ноту Хрущеву, убедительно советуя ему воздержаться от военного вмешательства в районе Карибского моря, в Берлине, или где бы то ни было.

Во время всех этих обсуждений мы общались на равных. О рангах было забыто, у нас даже не было председателя. Дин Раск, который в качестве государственного секретаря мог претендовать на эту должность, был занят другими делами и часто не имел даже времени присутствовать на собраниях. В результате, с поощрения Макнамары, Банди и Болл'а, разговоры велись совершенно свободно и непринужденно. Каждый одинаково имел возможность высказаться и быть услышанным. Такой метод работы заключал в себе огромные преимущества. Он не часто применяется в правительственных исполнительных органах, где ранг играет столь значительную роль.

4

Мы совещались в пятницу целый день и весь вечер. А в субботу, рано утром, мы опять собрались в государственном департаменте. В течение пятницы я несколько раз беседовал с президентом. Он надеялся, что сможет встретиться с нами своевременно, чтобы принять решение и сообщить о нем по радио американскому народу в воскресенье вечером. В субботу утром, в десять часов, я позвонил президенту в гостиницу Блэкстоун, в Чикаго, и сообщил, что мы готовы к встрече с ним. Отныне решать предстояло ему самому. Никакой комитет решения принять не мог. Президент отменил свою поездку и вернулся в Вашингтон.

Пока он был в дороге наши вооруженные силы во всех частях света были подняты по тревоге. Прямо из государственного департамента, из места собрания, министр обороны Макнамара отдал по телефону распоряжение о приведении в готовность четырех тактических эскадрилий для нанесения удара с воздуха, если президент согласится именно с этой рекомендацией.

Президент вернулся в Белый Дом без двадцати два. Он начал с того, что пошел освежиться в бассейне. Я присел на край бассейна и мы разговаривали. В 2.30 мы направились в овальный зал. Совещание продолжалось до десяти минут шестого. Официально это было собранием Национального совета безопасности, но присутствовало на нем много посторонних лиц. Некоторые из них в совещаниях до того не принимали участия. Макнамара изложил доводы в пользу блокады, а другие — в пользу военной интервенции.

В общем, дискуссия протекала плодотворно и деловито, хотя, как и вообще на всех собраниях такого рода, некоторые заявления, претендующие на самоочевидность, оставались — для меня, по крайней мере, — спорными. Так, например, один из членов Комитета начальников штабов доказывал, что мы вправе пользоваться ядерным оружием потому, что наши противники, в случае атаки, используют ядерное оружие против нас... Как часто — думал я — мне приходилось слышать, как военные защищают точку зрения, главное достоинство которой в том, что если окажется, что она ошибочна, то никого не останется в живых, чтобы в этом убедиться.

В тот день, к вечеру, президент принял решение в пользу блокады. На следующее утро состоялось еще одно, последнее, совещание, на котором генерал Уолтер С. Суинэй, командующий тактической авиацией, изложил президенту, что даже массированная атака с воздуха не обязательно приведет к разрушению всех ракетных установок и всего ядерного оружия на Кубе. Это рассеяло последние колебания президента. Его беспокоила мысль, что при блокаде ракеты останутся на месте, теперь ему стало ясно, что и атака полностью не разрушит их.

Самым веским доводом против массированного нападения — доводом, на который никто не мог дать удовлетворительный ответ, — было то, что атака без предупреждения подрвет моральный авторитет Соединенных Штатов во всем мире, если вовсе не уничтожит его.

В субботу после обеда из Нью Йорка приехал на собрание Адлай Стивенсон. Он уже присутствовал на нескольких собраниях исполнительного комитета. Он всегда сомневался в целесообразности атаки с воздуха, но на субботнем собрании упорно

стал защищать идею, на которую только намекнул мне несколько дней назад, а именно: известить Советский Союз о нашей готовности забрать наши ракеты из Турции и Италии, а также эвакуировать военно-морскую базу в Гуантанамском заливе, если Советский Союз уберет свои ракеты с Кубы.

Это предложение вызвало чрезвычайно бурные реакции некоторых присутствующих. Последовало резкие реплики. Что касается президента, то, хотя он и отклонил предложение Стивенсона, но признался, что сам долгое время питал сомнения насчет целесообразности сохранять в Турции и Италии ракеты «Юпитер». Недавно он поручил государственному департаменту начать переговоры об удалении их из этих стран. Но — прибавил он — теперь время для этого неподходящее. Гуантанаму мы тоже под угрозой русских покинуть не можем.

Впоследствии Стивенсона публично критиковали за позицию, занятую на том собрании. Я считаю необходимым подчеркнуть, что он исходил из точки зрения, отличной от других точек зрения, и что, следовательно, для президента было существенно принять во внимание и ее. Хотя я решительно не был согласен со Стивенсоном, я считал мужественным с его стороны выдвинуть предложение, которое, кстати сказать, было не более бессмысленным, чем многие другие предложения того времени.

Итак, речь президента была назначена на понедельник вечером. Под руководством Джорджа Болл'а, Алекса Джонсона и Эдуарда Мартина подробно была выработана программа действий, час за часом, с тем, чтобы информировать наших союзников, подготовить собрание Организации американских государств, уведомить послов иностранных держав в Вашингтоне, и заготовить в

письменной форме, как для послов, так и для других лиц, юридическое обоснование предпринятых нами действий. Все больше и больше членов администрации притягивалось к совещаниям и в конце концов в печать стали просачиваться слухи о надвигающемся кризисе. Благодаря личному вмешательству президента, некоторые газеты ограничились в понедельник утром сообщением о предстоящей его речи, особой важности, и о том, что стране угрожает кризис.

Первостепенной важности были меры дипломатического порядка. Нам удалось, в согласии с уставом ОАГ, выработать твердое юридическое обоснование нашего выступления. Когда Организация американских государств единодушно поддержала идею блокады, наша позиция сильно укрепилась во всем мире. Советский Союз и Куба встретили единодушный отпор всего Западного полушария. Кроме того, с помощью детальной фотодокументации, Дин Ачесон — лишний раз заслуживший признательность президента за оказанное содействие — легко убедил французского президента Шарля де Голля в нашей правоте, а затем успокоил и канцлера Конрада Аденауера. Макмиллан ясно дал понять, что Соединенные Штаты могут рассчитывать на поддержку Великобритании. В эти напряженные дни, когда с Францией отношения натянутые, не мешает вспомнить, что ни одна страна не поддержала нас так решительно, как это сделала Франция в лице своего президента. Генерал де Голль заявил: « Вы поступаете точно так, как поступил бы я сам на вашем месте ». Он прибавил, что не видит необходимости рассматривать фотографии потому что « правительство великой державы не станет действовать без достаточных оснований ». Канцлер ФРГ Конрад Аденауер тоже выразил нам свое сочув-

ствие. Так, Советскому Союзу не удалось разъединить Соединенные Штаты и Европу. (Джон Дифенбэкер, премьер-министр Канады, был очень озабочен тем, как бы убедить и остальные страны мира).

Все эти меры проводились одновременно с ожиданием речи президента и были возможны только благодаря огромной работе и тщательной планировке. В то же время, продолжались военные приготовления. Ракетные подразделения были приведены в состояние максимальной боевой готовности. Во Флориду и юго-восточные штаты были переброшены войска. Поздно ночью, в субботу, первая бронетанковая дивизия двинулась из Техаса в штат Геorgia, и пять других дивизий было поднято по тревоге. База в Гуантанамо получила подкрепления.

В Карибском море развернулось сто восемьдесят единиц военноморского флота. Стратегические воздушные силы были переведены на гражданские аэродромы, чтобы уменьшить их уязвимость в случае военных действий. Бомбардировщики «Б-52» получили приказ подняться в воздух с полной ядерной нагрузкой. Как только один из них приземлялся, другой немедленно сменял его.

За час до речи президента, государственный секретарь Дин Раск вызвал советского посла Добрынина и поставил его в известность. Газеты передавали, что когда Добрынин вышел из кабинета министра, вид у него был весьма потрясенный.

В тот понедельник, после завтрака с женой, президент, готовясь произнести свою речь, созвал несколько совещаний. На первом из них наш комитет, который до того именовался «группой» или «военным советом», официально — согласно меморандуму № 196 Национального совета без-

опасности — был утвержден в качестве исполнительного комитета Национального совета безопасности и получил задание руководить операциями всех исполнительных органов в период данного кризиса. Президент официально стал его председателем и было решено, что мы будем встречаться с ним ежедневно в 10 часов утра, до нового постановления.

Вскоре затем состоялось собрание совета министров. Президент впервые информировал всех министров о кризисе. Потом, перед самой речью, он встретился с лидерами конгресса. Эта встреча была самой для него трудной. На этом собрании я не присутствовал, но видел президента потом и знаю, какое он испытал огромное напряжение.

Среди руководящих членов конгресса, многие заняли позицию резко критическую. Они считали, что президент должен принять более решительные меры, приказать начать атаку или вторжение, что блокада — мера неудовлетворительная. Сенатор штата Джоргия, Ричард Б. Россел, заявил, что не может молчать, и должен сказать без обиняков, насколько считает важным, чтобы мы проявили бóльшую энергию, чем намерен проявить президент.

Сенатор штата Арканзас, Ж. Уиллиам Фулбрайт, тоже настойчиво советовал не ограничиваться таким слабым мероприятием, как блокада, а развязать военные действия. Другие сказали, что хотя они и настроены скептически, но не станут в такой опасный для страны момент заявлять об этом публично.

Выслушав критические замечания, носившие чаще всего эмоциональный характер, президент разъяснил, что предпримет все необходимое для обеспечения безопасности Соединенных Штатов, но что в данный момент не считает оправданными

более решительные военные меры. Он решил следовать намеченному плану именно в надежде на то, что дело обойдется без разрушительной войны. Возможно — сказал он — что в конце концов, прямая военная акция и окажется неизбежной, но не следует приступать к ней с легкомыслием. Президент заверил сенаторов, что принял все предварительные меры к приведению наших вооруженных сил в полную боевую готовность.

Он напомнил, что в случае атаки, противник может ответить ракетным огнем и что миллионы американцев будут убиты. На этот риск он идти не хочет не исчерпав до конца и полностью все другие возможности. Он разъяснил, что предприятие это чрезвычайно рискованное и что каждый должен понять, чем мы рискуем.

К концу собрания, президент совсем расстроился. Позднее, в разговорах с нами, он отзывался о нем уже более по-философски. Он говорил, что хотя члены конгресса оказались более воинственно настроенными, чем он сам, но что реакция их мало чем отличалась от нашей реакции, когда мы впервые узнали о существовании ракет в прошлый вторник.

В семь часов вечера он обратился к американскому народу по телевидению, изложил положение на Кубе и причины объявления блокады. Он был спокоен и уверен в том, что выбрал правильный путь.

В обращении своем он подчеркнул, что блокада — всего лишь *первый шаг*, что он отдал распоряжение Пентагону заняться всеми нужными приготовлениями к проведению дальнейших военных мер. В конфиденциальном докладе министр обороны Макнамара уточнил, что для этого потребуется: 250.000 солдат, 2.000 вылетов для ударов по разным объектам на Кубе, 90.000 человек мор-

ской пехоты и десантников для вторжения на остров. Согласно приблизительному подсчету наши потери смогут превысить 25.000 человек. Президент приготовления эти одобрил и план начали приводить в исполнение. Военские части, в полной боевой готовности, стали перебрасывать в юго-восточный район Соединенных Штатов. Были приняты меры, чтобы стянуть свыше ста судов, нужных для проведения десанта.

В ту ночь мы легли спать полные забот и тревоги, но гордясь президентом Соединенных Штатов, его силой, целеустремленностью, мужеством. Никто не знал, что нам готовит ближайшее будущее, но все мы знали, что благодаря личному своему достоинству и мудрости, президент может рассчитывать на единодушную поддержку всей страны.

5

На следующий день, во вторник, состоялось уже упомянутое важное собрание Организации американских государств. Мы предвидели, что может оказаться трудным заручиться необходимыми для объявления блокады двумя третями голосов. Но страны Латинской Америки проявили исключительное чувство солидарности и поддержали резолюцию Соединенных Штатов единогласно. В течение последующих недель некоторые из них даже оказывали нам содействие людьми, оборудованием, судами.

В 10 часов утра наша группа встретила президента в Белом Доме. Настроение было приподнятое. Не радостное, конечно, но чувствовалось некоторое облегчение. Первый шаг сделан, получилось не так уж плохо, и мы все пока еще — в живых.

На обсуждении стояло много вопросов. Джон Макклой, бывший верховный комиссар в Германии и советник президента по европейским делам и вопросам безопасности, находился в Германии. Ему было предложено вернуться и защищать нашу позицию в ООН совместно с Адлаем Стивенсоном. Он был членом республиканской партии и таким образом у нас получалось в ООН двухпартийное представительство. А так-как он с самого начала был сторонником военной операции и вторжения на Кубу, то позиция его являлась противовесом позиции Стивенсона.

Джон Маккоун доложил комитету, что никакой мобилизации советских сил, на Кубе или в других частях света, до сих пор не наблюдается. Нигде

не обнаружено никаких особых военных приготовлений. На Кубе доступ к военным базам закрыт для всех, за исключением советского технического и военного персонала. Он сообщил также, что начался камуфляж ракетных установок. Почему только теперь — для нас так и осталось непонятным.

Президент распорядился принять меры в связи с возможной блокадой Берлина. Мы также обсудили подробно, как поступить, если будет сбит один из наших самолетов «У-2», и сошлись на том, что в этом случае, заручившись особым разрешением президента, наши бомбардировщики и истребители разрушат зенитную установку. Макнамара доложил, что удар по зенитной установке может быть нанесен через два часа, после сообщения об обстреле самолета.

К этому времени чувство приподнятости и облегчения уже рассеялось. Прошло всего лишь несколько минут...

Президент Кеннеди выразил свои опасения: нельзя допустить ошибку. Прежде, чем развязать ответные действия, необходимо убедиться в достоверности факта обстрела нашего самолета. Он справился о судьбе пилотов подстреленных самолетов и поручил Макнамаре позаботиться о том, чтобы самолеты прикрывались впредь спасательной эскадрильей. Он принял предложение Макнамары о продлении срока службы некоторых категорий военнослужащих и о приведении в боевую готовность 101-ой воздушнодесантной бригады. Он хотел быть уверенным, что все предусмотрено на случай военного выступления Советов.

«Все, чего я хочу — говорил он — это быть уверенным, что нам не придется потратить лишнего дня на подготовку, если русские своими дей-

ствиями принудят нас к военным операциям или вторжению».

В конце собрания президент напомнил о том, что атака одной из советских установок может вызвать контр-атаку, направленную на наши аэродромы. Он затребовал от военных специалистов рапорта о дислокации наших самолетов. Когда он узнал, что, судя по фотографиям, русские и кубинцы, — по непонятным причинам, — разместили свои машины на аэродромах крылом к крылу, превратив их тем самым в идеальные мишени, он поручил генералу Тэйлору произвести разведку и над Флоридой. «Интересно, — сказал он, — если окажется, что мы сделали то же самое». Оказалось, что сделали! На следующий день президент рассмотрел фотоснимки и приказал самолеты рассредоточить.

Наконец, президент организовал регулярные встречи с послами европейских держав, чтобы быть готовым к возможной блокаде Берлина и к другим непредвиденным событиям, где бы они ни произошли. Он ничего не упускал из виду — ни значительного, ни второстепенного.

Мы снова встретились около шести часов вечера. ОАГ заявила о своей солидарности с нами, и президент работал над прокламацией о вступлении в силу блокады на следующий день в десять часов утра.

Во время собрания пришло известие, что все советские суда, идущие к Кубе приняли необычное число шифрованных посланий. Что в этих посланиях передавалось, мы не знали тогда, не знаем и теперь, но было ясно, что суда эти держат курс прямо на Кубу.

Президент составил письмо Хрущеву, приглашая его соблюдать правила блокады, законно установленной голосованием ОАГ. Он объяснял в пись-

ме, что Соединенные Штаты отнюдь не намерены открывать огонь по советским кораблям и добавлял в заключение: «Мое желание — чтобы оба мы держались осмотрительно и не допускали, чтобы события усложняли положение и еще более затрудняли контроль над ним».

Затем мы приступили к детальному обсуждению директив военноморскому флоту, касающихся перехвата торговых судов в зоне блокады. Во избежание серьезного столкновения — в случае отказа корабля остановиться — наша судовая артиллерия должна была бить преимущественно по рулю и винтам. Нужно было лишить судно маневренности, одновременно избегая его потопления и ненужных человеческих жертв. Президент выразил опасения относительно abordage в случае, если русские окажут сопротивление. Тогда, по его словам, могут возникнуть ожесточенные схватки и неизбежно связанные с этим людские потери. Макнамара считал, что abordage не обязателен, но что тем не менее, необходимо, не теряя, по возможности, времени, доставить судно в Джэконсвилль или Чарльзтон.

«А что вы сделаете — спросил президент — если после всех этих усилий выяснится, что груз судна состоит из пищевых продуктов для младенцев?» Все согласились, что нужно стараться задерживать только те суда, которые совершенно явно транспортируют военное оборудование. Что делать, тем временем, с другими — оставалось серьезной проблемой. По какому признаку пропускать одни и задерживать другие? Как можно быть уверенным в том, что мы не ошибемся?

Далеко не все вопросы были исчерпаны. Джон Маккоун доложил, что в районе Карибского моря появились советские подводные лодки. Одна из них накануне заправила на Азорских островах

и теперь направляется к Кубе. Президент приказал следить в первую очередь именно за подводными лодками, а также принять строжайшие меры предосторожности для охраны наших авианосцев и других кораблей.

После собрания президент, Тед Соренсен, Кенни О'Доннел и я — продолжали разговор в кабинете у президента. « В самом деле — сказал он — самая большая опасность, самый большой риск — это возможность просчета, ошибочного суждения ». Незадолго до того он прочел книгу Барбары Тухман « Август 1914 », и рассказал о том, как просчитались тогда все — и немцы, и русские, и австрийцы, и французы, и англичане. Все они словно бы кубарем скатывались в войну — говорил он — по глупости или недоразумению, по индивидуальным капризам, ослепленные манией преследования или величия . . . Мы вспоминали также просчеты немцев в 1939-ом году, английские обязательства и гарантии, данные Польше, и все еще невыполненные . . .

Никто не хотел войны из-за Кубы, — в этом все были единодушны. Но оставалась вероятность того, что одна из сторон может сделать тот шаг, который — по причинам « безопасности », « достоинства », или « престижа » — потребует от противной стороны ответного шага . . . По тем же причинам безопасности, достоинства или престижа ! А ответный шаг этот в свою очередь вызовет неизбежные контр-меры. И так, от одного шага к другому, мы постепенно дойдем до катастрофы. Именно этого президент хотел избежать. Он хотел, чтобы позже никто не мог сказать, что Соединенные Штаты не сделали всего от них зависящего, для сохранения мира. В этих обстоятельствах нельзя допускать ни малейшей ошибки ни в суждениях, ни в расчетах, нельзя без необходимости прово-

цировать наших противников на роковые и недуманные действия.

Потом мы с президентом остались наедине. Он предложил, чтобы я посетил советского посла Добрынина и устно изложил ему всю серьезность последствий двуличной политики русских и кризиса, вызванного размещением на Кубе ракет.

6

Я позвонил Добрынину и условился встретиться с ним в этот же вечер, во вторник, в половине десятого. Встреча состоялась в его кабинете, на третьем этаже советского посольства. Я резюмировал обстоятельства, которые за истекшие шесть недель привели нас к нынешнему конфликту. Я напомнил ему, что на последнем нашем свидании в начале сентября, он заверил меня в том, что русских ракет дальнего действия на Кубе нет, и в дальнейшем также — не будет.

Тут он меня прервал и поспешил подтвердить, что именно это он и сказал, дав слово, что Советский Союз не разместит на Кубе ракет, способных достичь территории Соединенных Штатов.

Я сказал, что, основываясь на его заявлении, как и на последующих заявлениях ТАСС'а, президент занял по отношению к Советскому Союзу менее воинственную позицию, чем другие политические деятели в Соединенных Штатах, и заверил американский народ в бесполезности военной интервенции на Кубе. Теперь президент знает, что был обманут, и из этого вытекают пагубные последствия для мира.

Добрынин ограничился тем, что опять сослался на свои прежние слова. Он повторил, что Хрущев сказал то же самое, и добавил, что насколько ему известно, ракет на Кубе нет и теперь. Затем он поинтересовался, почему президент Кеннеди ничего не сказал Громыко встретившись с ним в прошлый четверг ?

Я ответил, что президент ничего не мог сообщить Громыко такого, чего Громыко не знал бы.

И если уж на то пошло, — почему Громыко сам ничего не сказал президенту ? В сущности, президент был неприятно поражен тем, что даже в самое последнее время Громыко продолжает вводить его в заблуждение. У Добрынина вид был чрезвычайно озабоченный. Уходя я спросил, собираются ли советские суда продолжать свои рейсы на Кубу ? Он ответил, что они следуют полученным инструкциям и что, насколько он знает, никаких изменений в инструкциях пока не имеется.

Я покинул советское посольство приблизительно в четверть одиннадцатого и вернулся в Белый Дом. Я застал у президента английского посла Дэвида Ормсби-Гор'а, старого его друга, которому он доверял безоговорочно. Я рассказал им обоим о своем разговоре с Добрыниным. Президент коснулся возможности немедленно устроить встречу в верхах, с Хрущевым, но в конечном счете отказался от этой мысли. Такая встреча — заключил он — бесполезна, пока наши действия и заявления не убедили Хрущева в неколебимой решимости Соединенных Штатов. До того, как эта встреча состоится, — а состояться она должна, — президент хотел иметь больше козырей в руках.

Посол Ормсби-Гор выразил опасение по поводу того, что блокадное кольцо проходит в восьми милях от берега. Это означало, что первый перехват состоится, вероятно, уже через несколько часов после вступления в силу блокады. « Почему — говорил он — не дать им больше времени проанализировать положение » ? Расстояние в 800 миль было установлено военно-морским командованием, чтобы находиться вне досягаемости МИГ'ов, базированных на Кубе. Президент позвонил Макнамаре и велел сократить расстояние до пяти-сот миль.

На следующее утро, в среду, блокада вступила

в силу. По полученным в первые же часы донесениям, советские суда продолжали, как ни в чем не бывало, продвигаться к Кубе. Перед тем, как отправиться на очередное собрание, мы с президентом обменялись несколькими словами. « Плохо дело, — сказал президент, — но ведь правда, у нас не было выбора. Если они дошли до такого, здесь, у нас на пороге, то что они предпримут вслед за этим ? » Я ответил: « Я уверен, что выбора нет. Больше того, если бы ты не принял этих мер, тебя обвинили бы в государственном преступлении ». Президент сказал с минуту подумав: « Я тоже так считаю, — обвинили бы непременно ».

Выбор, собственно, имелся. Можно было поступить двояко: или принять меры бесполезные, или поступить именно так, как мы сейчас поступили. Теперь, по крайней мере, нас поддерживали страны Западного полушария и наши союзники во всем мире.

Собрания, состоявшиеся в среду утром и в будущую субботу, 27-го октября, были самыми изматывающими, трудными и напряженными из всех. Советские суда продолжали продвигаться, они приближались к пятисотмильному рубежу. Нам оставалось либо приступить к перехвату, либо ретироваться самим. Я сидел за столом напротив президента. Наступил тот момент, к которому мы готовились, хотя и надеялись, что он никогда не наступит. Сознание опасности и беспокойство тучей нависли над всеми нами. Особенно это чувствовал президент.

Самолеты « У-2 », а также низколетящие самолеты, вернулись накануне с фотопленкой, которая была исследована в тот же вечер. Теперь снимки были столь многочисленны, что пленка достигала двадцати пяти миль в длину. Результаты иссле-

дования были представлены на собрании. Стартовые площадки, ракеты, бетонные убежища, хранилищные бункера, — все элементы были теперь на лицо, ясно очерченные и различимые. Сравнения со снимками, сделанными незадолго до того, показывали с очевидностью, что строительство подвигается и что некоторые из установок будут готовы уже через несколько дней.

Было десять часов с минутами. Макнамара сообщил, что два советских корабля — « Гагарин » и « Комилес » — находятся всего в нескольких милях от блокадного рубежа. Перехват состоится, вероятно, еще до полудня по вашингтонскому времени. Действительно, можно было предполагать, что задержание и досмотр одного, по крайней мере, из кораблей, состоится между половиной одиннадцатого и одиннадцатью.

И тут поступило тревожное сообщение о том, что между обоими кораблями заняла позицию советская подводная лодка.

По первоначальному плану, задержание было поручено крейсеру, но из-за все увеличивающейся опасности было решено, за несколько часов перед этим, послать на место авианосец, а в поддержку и в прикрытие его — вертолеты, оснащенные для борьбы с подводными лодками. Авианосец « Эссекс » должен был просигналить, посредством сонара, приказ подводной лодке всплыть на поверхность и дать себя опознать. В случае отказа — сказал Макнамара — будут пущены в ход глубинные бомбы со слабым зарядом, пока лодка не всплывет.

Я думаю, эти несколько минут было самым большим испытанием для президента. Стоит ли мир на грани уничтожения. По нашей ли вине? Из-за какой оплошности? Может быть, мы что-то упустили, чего-то не сделали? Или сделали не

так ? Ладонью одной руки он прикрывал рот, пальцы другой сжимались и разжимались. Лицо его вытянулось и взгляд словно посеребривших глаз был горестно-напряженным. В течение нескольких мгновений казалось, что никого другого здесь нет и что он больше не президент.

Не знаю почему, но в этот момент мне вспомнилось время, когда он был болен и чуть не умер. И когда погиб его ребенок. И когда мы узнали, что убит наш старший брат. Вспомнились минуты личного горя и тяжких испытаний. Кругом стоял гул голосов, но я ничего не различал, пока не раздался голос президента: « Нельзя ли как-нибудь избежать этого первого столкновения с советской подводной лодкой ? Все что угодно, но не это . . . » — « Нет, — ответил Макнамара, — это слишком опасно для наших кораблей. Другого выхода нет. Командирам приказано по мере возможности избегать столкновений, но мы должны быть готовы к ним ».

Решительный момент наступил. « Мы должны быть готовы к блокаде Берлина, — сказал президент, — примите все необходимые меры ». Я чувствовал, что мы находимся на краю пропасти, и что спасения нет. Все решится сейчас. Не на следующей неделе, не завтра, а именно сейчас. И уже не будет через восемь часов другого совещания на котором мы смогли бы обсудить, что нужно написать Хрущеву, — так, чтобы он наконец понял . . . Нет, все это уже невозможно. За тысячу миль, в беспредельном просторе Атлантического океана, в ближайшие минуты будут приняты бесповоротные решения. Президент Кеннеди развязал ход событий, но он больше не властен над ними. Ему остается только ждать. Нам всем остается — ждать. В зале собрания время текло

медленно, минута за минутой. Что еще сказать ? Что сделать ?

Наступило 10 часов 25 минут. Курьер принес записку от Маккоуна: « Господин президент, мы получили предварительное сообщение о том, что некоторые советские корабли остановились в открытом море ».

Остановились в открытом море? Какие корабли? Проверено ли сообщение? Правда ли это? Я посмотрел на часы: 10.32... « Донесение точное, господин президент. Шесть кораблей, державших курс на Кубу, почти достигнув блокадного рубежа внезапно остановились или повернули обратно, в направлении Советского Союза. Уполномоченный военно-морской разведки находится на пути сюда с подробным донесением ». Вскоре донесение прибыло: 20 советских судов, из тех, что ближе всех подошли к рубежу, остановились или повернули назад.

« Итак, не будет ни задержания, ни досмотра » — произнес президент. Я сказал, что необходимо уведомить военно-морское командование о том, что ничего не надо предпринимать. Необходимо немедленно дать соответствующее распоряжение, чтобы предотвратить возможный перехват. « Если советским судам приказано повернуть назад — сказал президент, — то мы должны дать им полную возможность это сделать. Снеситесь непосредственно с « Эссексом », скажите им, чтобы ничего не предпринимали и не препятствовали советским судам развернуться. Нужно действовать быстро, потому что время уходит ».

Мы вновь занялись деталями. Собрание продолжало гудеть. Но каждый из нас словно стал другим человеком. На минуту земля словно остановилась, теперь она закружилась опять.

Несмотря на эти события опасность несколько не миновала. Позже, в тот же день, мы узнали, что четырнадцать кораблей остановились в открытом море или повернули назад. Другие, однако, продолжали продвигаться, главным образом — танкеры.

Больше всего нас беспокоил советский танкер «Бухарест». В течение дня он дошел до блокадного рубежа, дал себя опознать одному из наших военных кораблей, и получил разрешение следовать дальше. Мало было вероятно, что «Бухарест» везет ракеты или иное оружие, подпадающее под действие блокады. Тем не менее, в исполнительном комитете нашлись решительные сторонники перехвата — для того, чтобы у Хрущева не оставалось сомнения в нашей решимости и в твердости наших намерений. Даже президент подчеркнул, что в конечном итоге, одно из судов, идущих к Кубе перехватить придется. Те, кто предлагали «Бухарест» пропустить, возражали, что контрабанды он, по всей вероятности, не везет, и что Хрущеву нужен бо́льший срок, чтобы сообразить, что делать.

Президент решение отложил и велел пока американским военным судам следовать за «Бухарестом». Танкер продвигался к Кубе со скоростью в 17 узлов и решение нужно было принять до наступления сумерек.

Между тем тревога в мире росла. Разные лица — официально и неофициально — выражали

мнения и давали советы. Бертран Расселл отправил послание Хрущеву восхваляя его примирительную позицию, и другое послание — президенту Кеннеди, в котором порицал Соединенные Штаты за позицию воинственную... Несмотря на другие проблемы, президент выкроил время, чтобы лично ответить Расселл'у: « Мне кажется, вы бы лучше обратили ваше внимание на взломщика, а не на тех, кто поймал его с поличным ».

У Тан, исполняющий обязанности генерального секретаря ООН, советовал приостановить действие блокады на несколько недель с тем, чтобы в ответ русские обязались прекратить перевозку ракет. Хрущев согласился и предложил встречу в верхах. Президент Кеннеди ответил, что « кризис вызван тайной доставкой на Кубу наступательного оружия и что разрешение кризиса — в удалении этого оружия ». Он прибавил, что будет рад любому совещанию, которое может способствовать удовлетворительному и мирному разрешению кризиса, но что ракеты нужно с Кубы удалить.

На собрании Совета безопасности ООН Адлай Стивенсон публично призвал к ответу советского посла В.А. Зорина. Перед тем президент Кеннеди позаботился о том, чтобы Стивенсону были доставлены фотографии ракетных установок. Многие газеты во всем мире — в частности, в Великобритании — не скрывали скептического отношения к позиции, занятой Соединенными Штатами. По настоянию Пьера Салинджера, секретаря по делам прессы при президенте, и Дона Вильсона, представляющего Информационное агентство Соединенных Штатов (Ю.С.И.А.), президент 23-его октября предоставил фотоснимки для использования их в ООН и для опубликования. Стивенсон весьма умело использовал их в переданном по телевидению драматическом своем диалоге с русскими.

Стивенсон: «Так вот, разрешите мне, господин посол, сказать вам следующее. У нас имеются доказательства. Они у нас есть, ясные и неопровержимые. Разрешите мне еще сказать: оружие это нужно с Кубы удалить. Вы, Советский Союз, доставили это оружие на Кубу. Вы, Советский Союз, а не Соединенные Штаты, создали эту новую угрозу...

Наконец, господин Зорин, я напомню вам, что вы сами на днях не отрицали наличия этого оружия. Сегодня же, если я вас правильно понял, вы утверждаете, что ракет на Кубе нет, или — что мы не доказали, что они там имеются.

Прекрасно, сэр. Разрешите задать вам простой вопрос: отрицаете ли вы, посол Зорин, что СССР разместил и продолжает размещать на Кубе ракеты среднего и промежуточного радиуса действия, а также — возводить стартовые установки? Да или нет? Не ждите перевода, отвечайте: да или нет?

Зорин: «Я здесь не на американском суде, сэр, и не намерен отвечать на вопросы, заданные тоном прокурора. В должное время, сэр, вы получите ответ».

Стивенсон: «Вы находитесь в данный момент перед судом мирового общественного мнения. Вы можете ответить: да или нет. Вы отрицали наличие ракет, и я хочу знать, правильно ли я вас понял».

Зорин: «Продолжайте вашу речь. Вы получите ответ в должное время».

Стивенсон: «Я готов ждать ответа до второго пришествия, если вам так угодно. И я также готов представить доказательства тут же, на этом собрании».

И Стивенсон показал фотографии советских ракет и сооружений, что произвело потрясающее впечатление.

В тот же вечер, после новых возбужденных споров, президент окончательно решил не препятствовать «Бухаресту» идти на Кубу. Вопреки мнению многих советников и военных специалистов, он решил дать Хрущеву больше времени: «Мы не хотим толкать его на поспешные действия. Дайте ему время подумать. Я не хочу загонять его в тупик, из которого нет выхода».

В то же время, однако, президент усиливал нажим другими способами. Дважды в день, утром и вечером, над Кубой летали эскадрильи из восьми низколетящих самолетов, дополняя фотосъемки разведчиков «У-2». Все шесть советских подводных лодок, находившиеся в окрестностях, или державшие курс из Атлантического океана на Кубу, преследовались по пятам, и им приходилось, — рано или поздно, — всплывать на поверхность в присутствии американских военных кораблей. Теперь в Карибском бассейне, вокруг Кубы, мы сосредоточили 25 истребителей, два крейсера, несколько подводных лодок, несколько авианосцев и большое число вспомогательных судов.

В четверг вечером, 25-го октября, аэрофотосъемка показала, что работы по сооружению ракетных площадок подвигаются в чрезвычайно быстром темпе. На следующий вечер, 26-го октября, стало очевидным, что и бомбардировщики «ИЛ-28» быстро выгружаются из ящиков и монтируются.

К этому времени пассажирский пароход, под флагом ГДР, на борту которого находилось около пятисот пассажиров, достиг блокадного рубежа. Опять предстояло решать. Опять в нашей группе поднялись бурные споры — как поступить? И опять некоторые доказывали, что пароход нужно остановить, что это не нанесет ущерба советскому престижу потому что судно не советское и задержание его не идет в разрез с предложением У

Тана советские суда не трогать. В конце концов, принимая во внимание большое количество пассажиров и не желая рисковать их жизнью, если дело примет плохой оборот, президент решил пароход пропустить.

8

Не проходило дня без обмена посланиями с Хрущевым. 22-го октября, в день своей речи к американскому народу, президент послал непосредственно советскому премьеру текст этого обращения вместе с длинным письмом. В письме говорилось :

« Когда мы обменивались мнениями насчет Берлина и вели переговоры по другим международным вопросам, меня больше всего беспокоило одно: возможность, что ваше правительство неправильно оценит волю и решимость Соединенных Штатов в любом данном положении. Потому что я, конечно, не предполагал, что Вы сами или любой другой здравомыслящий человек, способны намеренно развязать войну, которую — это ясно как день ! — ни одна страна, в наш атомный век, выиграть не может и которая чревата катастрофическими последствиями для всего мира, включая агрессора ».

В письме, полученном 23-его октября, Хрущев обвинял президента в том, что он грозит ему блокадой, и заявлял, что Советский Союз считаться ею не станет. « Поведение Соединенных Штатов по отношению к Кубе — чистейший бандитизм, или, если хотите, — безумие выродившегося империализма ». Соединенные Штаты — писал Хрущев — « толкают человечество к пропасти мировой ядерной войны ». Советский Союз не даст инструкций капитанам кораблей, находящихся на пути к Кубе исполнять приказания американского флота. В случае попытки преградить путь советским судам, « мы, со своей стороны, будем вы-

нуждены принять соответствующие меры, необходимые для охранения наших прав. У нас есть все, что для этого нужно ».

Президент ответил в четверг, 25-го октября. Он опять перечислил все события последнего времени, подчеркивая тот факт, что вопреки публичным и частным заверениям о неразмещении на Кубе ракет, Советский Союз именно это и сделал.

« В начале сентября я совершенно ясно заявил, что Соединенные Штаты будут рассматривать всякую поставку Кубе наступательного оружия как поступок, чреватый самыми серьезными последствиями. После чего наше правительство получило от правительства вашего и от его представителей, как официально, так и частным путем, самые определенные заверения в том, что наступательного оружия Кубе поставлено не будет. Если Вы просмотрите сообщение, сделанное ТАСС'ом в сентябре, вы увидите, насколько заверения эти были недвусмысленными.

« Полагаясь на ваши торжественные обещания, я стал обуздывать тех, кто настаивал тогда на принятии срочных мер. А затем мне стало известно, вне всякого сомнения, то, чего вы и не отрицаете, а именно: что все эти публичные заверения не соответствовали истине и что ваши специалисты уже приступили к сооружению на Кубе целой сети ракетных баз. Я прошу Вас честно признать, господин председатель, что не я, первый, в этом деле бросил вызов и что, в свете изложенного, ваша деятельность на Кубе не могла не повлечь за собой те ответные меры, о которых я объявил.

« Я вновь выражаю сожаление о том, что события эти испортили наши отношения ».

И президент заканчивал простыми словами: « Надеюсь, что ваше правительство примет нуж-

ные меры к восстановлению прежнего положения».

Однако, все наши усилия и письма ни к чему не приводили. Напротив, пока мы ожидали ответа на последнее послание президента Кеннеди, поступили донесения о том, что число русских, работающих по сооружению стартовых установок и по сборке бомбардировщиков «ИЛ-28», все увеличивается.

В пятницу, 26-го октября, в 7 часов утра, было перехвачено первое судно. Правда, судно это — «Марукла» — было международное: американской конструкции, типа «Либерти-шип», по собственнику — панамское, по судовому регистру — ливанское, зафрахтованное Советами в Риге для следования из Балтийского моря на Кубу. «Марукла» был замечен прошлой ночью и слежка за ним была установлена двумя истребителями: «Джоном Пирсом» и — сюрприз для президента! — «Иосифом П. Кеннеди», истребителем, названным так в честь нашего старшего брата, морского пилота, убитого во время второй мировой войны. Президент Кеннеди сам выбрал «Маруклу» и лично решил, что это будет первым перехватом. Этим самым он наглядно показывал Хрущеву, что мы переходим к усилению блокады, но в то же время это не было прямым афронтом, требующим ответного действия, так как судно не было советским. Это оставляло время на размышление, но вместе с тем показывало, что Соединенные Штаты относятся к делу всерьез.

В 7.24 вооруженные катера с обоих истребителей подошли к «Марукле», а в 8 часов команда взошла на борт и приступила к досмотру. Все обошлось без инцидентов. Оружия не нашли, и корабль получил разрешение следовать дальше.

Однако, тот факт, что досмотр прошел успешно,

не рассеял царившего на собраниях нашего комитета мрачного настроения. Советский Союз упорно продолжал не считаться с блокадой. В то же время он явно продолжал приводить ракеты на Кубе в боеготовность. В ответ президент приказал постепенно усиливать давление, но все еще избегая прямых военных акций. Он увеличил число ежедневных полетов над Кубой с двух до двенадцати. Продолжались приготовления к ночным полетам для производства аэрофотосъемок с помощью ярких осветительных патронов. Государственный департамент и министерство обороны получили указание подготовить распространение эмбарго на горючее и на смазочный материал.

Но в глубине души президент не строил себе иллюзий насчет эффективности этих мер. Положение ухудшалось с каждым часом.росло чувство, что чаша сия не минует нас и что прямое столкновение между обеими великими атомными державами неизбежно. Как «ястребы», так и «голуби» сознавали, что наши попытки совместить ограниченное применение силы с усилиями дипломатическими потерпели фиаско. Если русские останутся несговорчивыми и будут продолжать устанавливать свои ракеты, боевые действия окажутся единственным выходом.

9

В пятницу утром президент Кеннеди распорядился, чтобы государственный департамент приступил к разработке срочных мер к установлению гражданской власти на Кубе после высадки и оккупации страны. Макнамара представил заключения военных экспертов: мы должны быть готовы понести при вторжении крупные потери.

Президент обратился ко всем нам: « Не нужно закрывать глаза на то, что если вторжение состоится, то, прежде, чем ценой кровавых боев мы доберемся до стартовых установок, ракеты будут нацелены против нас. Более того, мы должны быть готовы к тому, что, как только начнутся военные действия, ракеты будут пущены в ход ».

Совершенно ясно, — сказал Маккоун, — что вторжение — предприятие гораздо более опасное, чем многие до сих пор предполагали. « У них чертовски мощное оборудование, и чертовски трудно будет вытравить их из гор, как это доказал с очевидностью опыт в Корее ».

Несмотря на поглощенность вопросами капитальной важности, президент Кеннеди следил и за каждой мелочью. Он затребовал, например, список имен всех кубинских врачей, проживающих в районе Майами, на случай, если они понадобятся на Кубе. Узнав, что американское военное судно, оснащенное сверхчувствительной аппаратурой (на подобие « Либерти », обстрелянного Израилем во время израильско-арабской войны) находится близко от кубинских берегов, он приказал ему удалиться в открытое море, чтобы быть менее уязвимым в случае атаки. Он проверял ре-

шительно все, начиная с листовок, которыми предполагалось забросать Кубу, и кончая комплектованием кораблей, предназначенных для десанта.

Тем временем мы все ждали ответа от Хрущева. В тот же вечер, в 18 часов, ответ пришел.

Много было сказано об этом послании, включая голословные утверждения, что Хрущев, составляя его, был настолько взволнован, или находился в настолько неуравновешенном состоянии, что выражался бессвязно. Письмо несомненно было написано им самим. Оно было длинным и взволнованным, но отнюдь не бессвязным. Эмоциональный характер его был оправдан мыслью о смерти, разрушении и анархии, которыми грозила атомная война его народу и всему человеческому роду. Этого — повторял он на разные лады — нужно избежать.

Мы не должны — писал он — поддаваться искушению «мелких страстей» или «вещей преходящих». Мы должны помнить, что «если вправду разразится война, то остановить ее будет не в нашей власти. Такова логика войны. Я участвовал в двух войнах и знаю, что война кончается только после того, как прокатится по городам и селам, сея повсюду смерть и разрушение». Соединенным Штатам — продолжал он — нечего опасаться ракет. Они никогда не будут использованы для нападения на Соединенные Штаты и находятся на Кубе только в целях обороны. «В этом отношении вы можете быть спокойны. Мы находимся в здравом уме и прекрасно понимаем, что если мы нападём на вас, то вы ответите тем же. Но тогда это обернется и против вас, и я думаю, вы тоже это понимаете. Из этого следует, что мы люди нормальные и правильно понимаем и оцениваем положение. Как же мы можем допустить те несуразные действия, которые вы нам приписы-

ваете ? Только сумасшедшие могут так поступать, или самоубийцы, желающие и сами погибнуть, и весь мир перед тем уничтожить ».

Он продолжал: « Мы хотим совсем другого . . . не разрушить вашу страну . . . а несмотря на различие идеологий, соревноваться мирно, не военными средствами . . . ».

Нет смысла — писал он — перехватывать советские суда на пути в Кубу, потому что они оружия не перевозят. И он объяснял, почему не перевозят: оружие уже на Кубе. Так, в первый раз он признавал наличие на Кубе ракет. Ссылаясь на высадку в Плайя Хирон и на то, что в Вене президент Кеннеди признал, в разговоре с ним, что это было ошибкой, Хрущев писал, что оценил тогда такую искренность, что и сам он способен на такое же мужество, что и он « признал ошибки, имевшие место в истории нашего государства, не только признал, но и осудил их ». (В Вене президент Кеннеди заметил, в разговоре с Хрущевым, что тот легко признает и осуждает ошибки Сталина и других, но никогда не признается в собственных ошибках).

Оружие послано на Кубу потому, что Соединенные Штаты стремятся свергнуть кубинское правительство, подобно тому, как пытались свергнуть коммунистическое правительство в Советском Союзе после революции. Хрущев и советский народ хотят помочь Кубе защититься.

Но затем он продолжал: « Если президент Соединенных Штатов обещает не принимать участия в нападении на Кубу и снять блокаду, вопрос об удалении ракет и разрушении установок встанет в совершенно новом виде. Вооружение ведет только к катастрофам. Если оно накапливается, то вредит экономике, если же им пользоваться, то оно унич-

тожает людей с обеих сторон. Следовательно, только сумасшедший может полагать, что вооружение — главная основа существования общества. Нет, оно есть только растрата человеческой энергии, и — более того — ведет к уничтожению самого человека. Если народы не проявят мудрости, они, в конечном итоге, столкнутся, как слепые кроты, и начнется взаимное уничтожение.

Вот мое предложение — писал он: никакого больше оружия Кубе, а то, которое уже там, мы заберем или уничтожим. Вы же, в ответ, обязуетесь снять блокаду и не вторгаться на Кубу. Не предпринимайте пиратских действий против советских кораблей. «Если вы не потеряли самообладания и имеете разумное представление о том, к чему это может привести, тогда, господин президент, мы с вами не должны тянуть за концы каната, на котором вы завязали узел войны, потому что, чем крепче мы оба будем тянуть, тем сильнее стянется узел, и придет время, когда узел так будет туго стянут, что даже тот, кто связал его не в силах будет развязать, и тогда узел придется разрубить, а что это означает — не мне вам объяснять потому что вы сами прекрасно понимаете, какими страшными средствами обладают наши страны. Следовательно, если не в наших намерениях стягивать узел и тем самым обрекать мир на катастрофу ядерной войны, то давайте не только перестанем тянуть за концы каната, но и примем меры к тому, чтобы узел развязать. Мы к этому готовы».

Мы вновь и вновь изучали это послание на нашем собрании, продолжавшемся в пятницу до поздней ночи. С приближением рассвета было решено, что государственный департамент проанализирует этот документ и представит рекомендации — как на него ответить. Мы условились

встретиться опять рано утром, в субботу, 27-го октября.

В эту ночь, возвращаясь на автомобиле домой из государственного департамента, я почувствовал слабый прилив оптимизма. Письмо Хрущева, несмотря на всю его риторику, содержало, может быть, зачатки некоторого компромисса, возможного соглашения. Чувство это подкреплялось еще и тем фактом, что одно важное официальное лицо из советского посольства, войдя в контакт с Джоном Скэйли, талантливым и опытным репортером Американской радиовещательной корпорации, заявило о том, что Советский Союз удалит ракеты, под надзором и контролем ООН, с тем, чтобы Соединенные Штаты сняли блокаду и обязались не вторгаться на Кубу. Джона Скэйли попросили передать это предложение правительству Соединенных Штатов, что он немедленно и сделал.

Почему был выбран такой способ сообщения — неясно, но такая необычная процедура вообще нередка в Советском Союзе.

Мой оптимизм слегка усилился еще и потому, что, когда я в ту ночь расстался с президентом, он тоже впервые выразил надежду на то, что может быть наши усилия увенчаются успехом.

10

В субботу утром, 27-го октября, я получил от Дж. Эдгара Хувера, директора Федерального бюро расследований, сообщение, которое меня очень встревожило. Накануне ему стало известно, что, судя по всему, некоторые советские дипломаты в Нью Йорке готовятся уничтожить все важные конфиденциальные документы, в предвидении вероятной военной операции Соединенных Штатов против Кубы или советских кораблей, а следовательно — войны. По дороге в Белый Дом я ставил себе вопрос: если Советы действительно намерены положить конец кризису, то чем объясняется такое поведение части советского персонала? Означает ли письмо Хрущева что выход из создавшегося положения действительно может быть найден?

Я шел на собрание исполнительного комитета с этими дурными предчувствиями. И мои опасения оправдались... Поступило новое послание Хрущева президенту Кеннеди, на этот раз — в очень официальном стиле. Составлял его, очевидно, не лично Хрущев, а советское министерство иностранных дел. Оно совсем не походило на письмо, полученное 12 часов назад. «Мы удалим наши ракеты с Кубы, а вы удалите ваши из Турции... Советский Союз обязуется не вторгаться в Турцию и не вмешиваться в ее внутренние дела, а Соединенные Штаты возьмут на себя такое же обязательство в отношении Кубы».

Тревоги наши усугубил Макнамара, представивший новые доказательства того, что русские работают теперь на Кубе днем и ночью, занятые постройкой баз и приведением в готовность бом-

бардировщиков «ИЛ-28». Так начался самый трудный период всего этого кризиса.

В сущности, предложения русских неразумными не были и не влекли за собой никакого ущерба для Соединенных Штатов или для наших союзников по НАТО. В течение истекших восемнадцати месяцев президент неоднократно поручал государственному департаменту договориться с Турцией об удалении ракет «Юпитер». Ракеты этого типа явно устарели, а присутствие в Средиземном море наших подводных лодок с ракетами «Полярис» давало Турции гораздо большую гарантию безопасности.

По настоянию президента, государственный секретарь Дин Раск поднял этот вопрос с представителями Турции на совещании НАТО весной 1962-го года. Турки запротестовали и дело осталось без последствий. Летом 1962-го года, во время пребывания Раска в Европе, президент опять вернулся к этому вопросу. Государственный департамент возразил, что считает неблагоприятным оказывать на Турцию давление, но президент с этим не согласился. Он хотел, чтобы ракеты были удалены, пусть ценой политических затруднений для нашего правительства. Представители государственного департамента вступили в переговоры с турками, но увидев, что те все еще несогласны, не стали настаивать.

Президент считал, что раз он президент, и выражает определенные желания, то желания эти выполняются. Он считал, поэтому, что ракеты из Турции удалены, и перестал о них думать. Теперь он узнал, что благодаря устарелым турецким ракетам, Советский Союз располагает средством воздействия, как если бы он держал заложников.

Он рассердился. Он, естественно, не хотел забирать ракеты из Турции под нажимом со стороны

Советского Союза. Но с другой стороны, он также не хотел вовлекать Соединенные Штаты и все человечество в убийственную войну из-за устаревших и бесполезных ракетных баз в Турции. Он объяснил представителям государственного департамента и другим присутствующим, что предлагаемая нам сделка должна показаться вполне приемлемой всякому разумному человеку, что наша позиция стала весьма уязвимой, и что во всем этом виноваты мы сами.

Перемена тона и содержания во втором письме Хрущева указывала на несогласованность в кругу советских руководителей. Но согласия не было и среди нас. Не зная точно, что посоветовать, некоторые предлагали написать Хрущеву с просьбой уточнить смысл обоих писем. Что делать дальше — было неясно. Одновременно мы отдавали себе отчет, что пока мы здесь сидим, работа по сооружению кубинских баз продвигается, а теперь, вдобавок, нужно учитывать также и то, что если мы эти базы разрушим и начнем вторжение, мы тем самым развяжем руки Советскому Союзу для ответного действия в Турции.

Государства, входящие в НАТО нас поддерживали и советовали Соединенным Штатам проявить твердость. Но — говорил президент — они не отдают себе отчета во всех вытекающих для них последствиях. Если мы атакуем Кубу, а Советский Союз ответит тем же в Турции, весь Североатлантический союз будет вовлечен в конфликт. Тогда президенту придется безотлагательно решать, пускать ли в ход или нет ядерное оружие против Советского Союза, и существование человеческого рода окажется под угрозой.

На собрание явились со своим предложением начальники объединенных штабов. Предложение это отличалось большой простотой: в понедельник —

атака с воздуха, и, непосредственно за ней — вторжение. Они напомнили президенту, что всегда считали блокаду слишком слабым мероприятием, что Советский Союз способен понять только применение силы. Их нисколько не удивляет, что ограниченное воздействие ничего не дало, так как они именно это и предсказывали...

В разгаре совещания пришло известие, способное повлиять на события и изменить ход истории. Майор Рудольф Андерсен, из штата Южная Каролина, один из двух пилотов, совершивших ту первую разведку, которая обнаружила присутствие на Кубе ракет, и неоднократно с тех пор проводивший аэрофотосъемки, вылетел с подобной же миссией в это утро, 27-го октября. Наше собрание было прервано известием о том, что его самолет, настигнутый зенитной управляемой ракетой (ЗУР), разбился на Кубе, и что летчик убит.

Нам было жалко майора Андерсена и мы сочувствовали его семье. Нам было ясно, что следует принять военные меры для защиты наших летчиков. Мы отдавали себе отчет в том, что Советский Союз и Куба готовятся, очевидно, к бою. И росло ощущение, что вокруг всех нас, вокруг американцев, вокруг всего человечества, стягивается петля, из которой высвободится становится все труднее.

«Как можем мы завтра послать туда еще пилотов, не уничтожив предварительно все стартовые установки ЗУР, — говорил президент, — отныне игра ведется на совершенно новых началах».

Сначала все, почти единодушно, сошлись на том, что наши бомбардировщики и истребители должны на следующее же утро атаковать установки ЗУР и разгромить их. Но президент опять стал нас сдерживать. «Меня беспокоит не первый шаг, — сказал он, — а эскалация с каждой сто-

роны, ведущая к четвертому шагу, и к пятому, а до шестого она и не доведет, потому что некому будет сделать его. Мы должны помнить, что пускаемся в рискованное предприятие ».

Он потребовал, чтобы было точно проверено, действительно ли наш самолет сбит. Может быть он просто потерпел аварию ? Прежде, чем принять окончательное решение, мы должны тщательно взвесить все возможные последствия его. Президент мысленно переносился в другие места. Что произойдет в Берлине ? Что — в Турции ? Если мы атакуем Кубу, а русские ответят тем же в Турции, можно ли и нужно ли пускать в ход турецкие ракеты ? Он распорядился удалить взрыватели с ракет с ядерными головками для того, чтобы сохранить за собой лично инициативу их использования. Какое участие в наших решениях должны принять Турция и другие страны НАТО ? Решения эти в ближайшем будущем могут стать для них вопросом жизни и смерти. Не вправе ли эти страны быть уведомлены о них, особенно — учитывая столь молниеносные и разрушительные их последствия ?

Он подчеркивал вновь и вновь, что нужно предусматривать последствия каждого шага. Какое мы можем предвидеть ответное действие ? Что из него для нас последует ? И опять он настаивал на нашей ответственности за других. НАТО поддерживает Соединенные Штаты, но правильно ли и полностью ли понимают входящие в него страны опасность, которой подвергаются ? Нужные решения могут быть приняты в любой момент президентом Соединенных Штатов, — только им, — но каждое из этих решений связывает или развязывает руки правительствам и народам других государств. Об этой ответственности мы должны помнить каждую минуту, — говорил он, — пом-

нить, что президент принимает решения, от которых зависит судьба Соединенных Штатов, и Советского Союза, и Турции, и НАТО, и в сущности — всего вообще человечества.

11

Часы, проведенные в зале совета министров в тот октябрьский субботний день, никогда — ни у кого из нас — не изгладятся из памяти. Мы сознавали всю тяжесть ответственности, вытекающей из могущества Соединенных Штатов, власти президента, — ответственности за всех, и даже за тех, кто никогда и не слышал о нашей стране, о людях, заседающих здесь и решающих их судьбу, решающих — жить ли им или умереть.

Завтра мы не атакуем, — сказал президент, — попробуем еще раз...

Государственный департамент составил проект ответа президента Кеннеди Хрущеву. В нем оспаривались тезисы последнего письма Хрущева и говорилось, что мы не можем забрать наши ракеты из Турции, что на эту сделку мы не пойдем.

Я не был согласен с содержанием письма. Я предложил — и меня поддержали Тед Соренсен и другие — игнорировать последнее письмо Хрущева и ответить только на предложения в предыдущем письме, на те самые, которые нам передали через журналиста Джона Скэйли, а именно: что советские ракеты и наступательное оружие будут удалены с Кубы под наблюдением и контролем ООН, если Соединенные Штаты и остальные страны Западного полушария обязуются со своей стороны не вторгаться на Кубу.

Споры продолжались без конца. Проявились острые разногласия. Каждый находился в состоянии крайнего напряжения, а иные — на краю

изнеможения. Все были подавлены озабоченностью и тревогой. Президент Кеннеди был куда спокойнее всех. Наконец, когда мы потеряли, казалось, всякую способность общаться друг с другом, он предложил, не без нотки раздражения в голосе, чтобы мы с Тедом Соренсеном — поскольку меня не удовлетворяли усилия государственного департамента — удалились в его кабинет и составили другой текст ответа, после чего он решит, — который из двух выбрать. Мы удалились и, сидя в кабинете у президента, взялись за дело. Сорок пять минут спустя, проект был готов и мы представили его всей группе и президенту. Президент поработал над ним, внес некоторые поправки, дал отпечатать и подписал.

Он принимал «предложения» Хрущева:
«Дорогой господин Председатель,

Я с большим вниманием прочел Ваше письмо от 26-го октября и приветствую Ваше желание искать быстрого разрешения кризиса. Однако, первое, что для этого требуется, это прекращение работ по сооружению на Кубе ракетных баз и демонтаж всех установок с наступательным оружием, — в рамках договоренности в ООН. Предполагая, что эти меры будут проведены безотлагательно, я дал инструкции моим представителям в Нью Йорке, которые позволят им выработать к концу текущей недели — совместно с исполняющим обязанности генерального секретаря и с Вашими представителями — соглашение об окончательном урегулировании кубинского вопроса, соответственно — в общих чертах — предложениям, выраженным в Вашем письме от 26-го октября. Эти предложения, если я их правильно понял, кажутся вполне приемлемыми и сводятся к следующему:

1. Вы согласны удалить с Кубы наступательное оружие, под наблюдением и контролем ООН, и

обязуетесь, с соответствующей гарантией, не доставлять этих наступательных средств на Кубу и впредь.

2. Как только вопрос этот будет улажен, — через посредство ООН, с целью обеспечения проведения обязательств в жизнь, — мы, со своей стороны, согласны: а) немедленно снять действующую в настоящее время блокаду, б) обязаться не совершать вторжения на Кубу. Я уверен, что к этому примкнут и другие страны Западного полушария.

Если Вы дадите сходные инструкции Вашему представителю, не будет причин не заключить такого соглашения и не огласить его в ближайшие дни. Разрядка напряженности во всем мире, которая последует за ним, позволит нам приложить все усилия к достижению доверенности более общего порядка о « других вооружениях », согласно предложению, выраженному в Вашем втором — опубликованном — письме.

Я хочу повторить еще раз, что Соединенные Штаты весьма заинтересованы в разрядке напряженности и прекращении гонки вооружений. Если Ваше письмо означает, что Вы готовы приступить к переговорам об ослаблении напряженности между странами НАТО и странами Варшавского договора, то мы вполне готовы рассмотреть, совместно с нашими союзниками, всякое полезное предложение.

Но первое условие, — разрешите мне подчеркнуть, — это прекращение работ по сооружению на Кубе ракетных баз и принятие мер к демонтажу их, в условиях эффективной международной гарантии. Продление этой угрозы или продление дискуссии относительно Кубы с тем, чтобы связать ее с общими вопросами европейской или мировой безопасности, несомненно вызовет только обостре-

ние кубинского кризиса и угрозу миру всего мира. Поэтому я надеюсь, что мы сможем быстро прийти к соглашению, основываясь на предпосылках, изложенных в настоящем письме и в Вашем письме от 26-го октября ».

Джон Ф. Кеннеди.

12

Президент назначил следующее собрание исполнительного комитета на 9 часов вечера в Белом Доме. Пока письма печатали и готовили к передаче, мы сидели, он и я, в его кабинете. Он говорил о майоре Андерсене и том, что смерть всегда настигает самых мужественных и лучших. Политиканы и чиновники сидят дома, рассуждают о великих принципах и проблемах, принимают решения, обедают с женами и детьми, в то время как храбрые и молодые погибают. Он говорил о просчетах, которые приводят к войне. Редко бывает, что войну развязывают умышленно. Русские не больше хотят воевать, чем мы сами. Они не хотят войны с нами, так же, как и мы — с ними. И все же, если события будут развиваться так, как в последние дни, то война, которой никто не хочет, которая ничего не разрешит, все же возникнет, и поглотит и уничтожит все человечество.

Он хотел быть уверенным, что сделал все, что в его власти, все, что только возможно, чтобы предотвратить подобную катастрофу. Русским должны быть оставлены все шансы найти мирный выход из положения, выход, который не угрожал бы их национальной безопасности и не умалял бы их престижа в глазах других. Его беспокоила не только судьба американцев или даже только судьба старших поколений других стран. Больше всего его мучила мысль, от которой перспектива войны становилась еще ужаснее, мысль о смерти, грозящей детям нашей страны и всего мира. Мысль о молодых, не играющих никакой роли, не имеющих права голоса, ничего даже не знающих о

конфликте, но чья жизнь будет так же загублена, как и жизнь остальных. Никогда им не придется что-то решать, участвовать в выборах, руководить предприятием, мечтать о революции, самим брать в руки свою судьбу.

У нашего поколения все эти возможности есть. Но трагедия в том, что если мы ошибемся, то страдаем от этого не только мы, страдают не только наше будущее, наши чаяния, наша страна. Мы отвечаем за жизнь, за будущее, за надежды, за страны всех тех, кто еще не успел сказать свое слово, выбрать «да» или «нет», как-то проявить себя.

Вот это больше всего беспокоило его и мучило. И он решил, вместе с государственным секретарем Раском, что мне нужно встретиться с советским послом Добрыниным и лично изложить ему причины глубокой озабоченности президента.

Я позвонил Добрынину около четверти восьмого вечера и пригласил прийти в министерство юстиции. Мы встретились у меня в кабинете в 19.45. Прежде всего я сказал ему: нам известно, что постройка баз продолжается и что в последние дни она идет в ускоренном темпе. Несколько часов назад по нашим разведочным самолетам над Кубой был открыт огонь. Один из них сбит. Пилот этого самолета убит. Для нас все это означает коренной поворот в событиях.

Президент Кеннеди не хочет военного столкновения. Он сделал все, чтобы избежать конфликта с Кубой и с Советским Союзом, но теперь они сами принуждают нас к действию. Двуличие Советского Союза заставляет нас производить разведывательные полеты над Кубой, и если кубинцы или Советы станут обстреливать наши самолеты, то самолетам придется отстреливаться. Это неизбежно

поведет к дальнейшим инцидентам и к эскалации конфликта, что весьма и весьма опасно.

Добрынин ответил, что кубинцы возмущены тем, что мы нарушаем их воздушное пространство. Я возразил, что, не будь этого, мы бы до сих пор верили заверениям Хрущева о том, что на Кубе не расположено ракет. Как бы то ни было, дело гораздо серьезнее, чем нарушение воздушного пространства Кубы. Оно касается народов обеих наших стран, в сущности — народов всего мира.

Советский Союз тайно соорудил на Кубе ракетные базы, провозглашая в то же время — и публично, и частным образом, — что этого никогда не будет. Нам необходимо получить обещание, не позже завтрашнего дня, что базы эти будут ликвидированы. Я не предъявляю ультиматума, я просто констатирую факт. Советы должны понять, что если этих баз не снесут они, то снесем их мы. Президент Кеннеди питает глубокое уважение к родине посла и к мужеству русского народа. Возможно, что Советский Союз сочтет необходимым прибегнуть к репрессиям, но, пока суть да дело, будут убитые, — не только американцы, но и русские.

Добрынин спросил, что предлагают Соединенные Штаты, и я сообщил ему о письме, которое президент Кеннеди только что отправил Хрущеву. Он поднял вопрос об удалении наших ракет из Турции. Я заявил, что мы не пойдем ни на уступки, ни на компромисс под угрозой или давлением, да и решение, в конечном счете, принадлежит НАТО. Впрочем, прибавил я, президент Кеннеди давно уже хотел забрать наши ракеты из Турции и Италии. Он отдал соответствующие распоряжения уже несколько месяцев назад, и мы считаем, что вскоре после окончания кризиса, ракеты эти будут удалены.

Президент Кеннеди — сказал я — желает установить миролюбивые отношения между нашими странами. Он желает разрешить все проблемы, разделяющие нас в Европе и в юго-восточной Азии. Он также желает продвинуть вопрос о контроле ядерных вооружений. Но все это станет возможным только после окончания кризиса. Время истекает. Остается всего лишь несколько часов. Мы должны получить ответ от Советского Союза безотлагательно. Мы должны получить его — сказал я — на следующий же день!

Я вернулся в Белый Дом. Президент смотрел на положение без всякого оптимизма, как, впрочем, и я сам. Он отдал распоряжение о призыве двадцати четырех эскадрилий военно-транспортных самолетов из резервного состава военно-воздушного флота. Они были нужны для вторжения. Он все еще не терял надежды, но она сводилась теперь к тому, что в ближайшие часы Хрущев, возможно, пересмотрит свои намерения. Это было только надеждой, не верой, не ожиданием. Ожидалось же вооруженное столкновение в ближайшие дни, — во вторник, может быть завтра...

Я давно уже обещал своим дочерям, что повезу их на конные состязания. Рано утром, в воскресенье, мы отправились в вашингтонский учебный манеж, смотреть лошадей. Все равно, ничего не оставалось делать, как только ждать. Около десяти часов мне позвонили в манеж по телефону. Вызывал государственный секретарь Раск. Он сообщил, что только что получил извещение о том, что русские согласны удалить с Кубы ракеты.

Я немедленно отправился в Белый Дом. Туда позвонил мне советский посол Добрынин и попросил принять его. Мы встретились у меня в кабинете в 11 часов.

Добрынин сообщил мне, что получил послание

от Хрущева. Хрущев выражает согласие на демонтаж установок и возвращение ракет в Советский Союз под соответствующим наблюдением и контролем. Все закончится ко всеобщему удовлетворению. Хрущев шлет президенту и мне свои лучшие пожелания.

Собрание наше сильно отличалось от вчерашнего... Я вернулся в Белый Дом и долго разговаривал с президентом. Он позвонил в моем присутствии двум бывшим президентам — Трумэну и Эйзенхауэру. Когда я уходил, он сказал, вспоминая об убитом в театральной ложе президенте Аврааме Линкольне: «Сегодня и я мог бы пойти в театр». Я ответил: «Тогда и я — с тобой». Когда я уходил он сидел за письменным столом и писал письмо вдове Андерсена...

13

Я часто потом думал о всем том, чему мы научились за время кризиса. Существенное значение имел тот факт, что президент и его советники располагали достаточным сроком, чтобы негласно, — в тишине и спокойствии, — разрабатывать планы действий. Если бы наши совещания предавались гласности, если бы решения приходилось принимать в двадцать четыре часа, то, я думаю, выработанная нами линия поведения оказалась бы совсем иной, и сопряжена была бы с гораздо большим риском. Существенное значение имел тот факт, что перед тем, как принимать окончательное решение, мы имели возможность беседовать, обсуждать проблему, спорить и расходиться во взглядах, и вновь обсуждать. Не всегда для этого есть время. Но, как ни странно, в период острых кризисов время находится. Правда, тогда нужно уметь использовать его.

Но одного времени недостаточно. Мне кажется, наши совещания наглядно доказали, как это важно, чтобы президент выслушивал мнения и советы не одного только лица, не одного только учреждения, и оценивал события не с одной только точки зрения. Не только о мнениях, но даже о фактах можно лучше судить в свете разногласий и споров. Когда все во всем согласны — чего-то важного недостает. Так, конечно, бывает не всегда, но все же довольно часто. Так бывает, когда некоторые советники обращаются к президенту. Положение президента внушает такое уважение, такое поклонение, что люди зачастую становятся малодушными. Мне часто приходилось видеть, как

советники приспособлялись к тому, что, по их мнению, ожидал от них президент Кеннеди, а позже — президент Джонсон.

Я как-то присутствовал на предварительном совещании с одним членом правительства, на котором мы договорились о том, какое предложение представить президенту Кеннеди. Несколько минут спустя, на собрании с самим президентом, я констатировал с удивлением, что это лицо стало рьяно и с жаром защищать точку зрения диаметрально противоположную, которая — как он вынес из дискуссии — должна была более прийтись по душе президенту.

В момент высадки в Плая-Хирон, единогласие было почти полным. Если некоторые члены правительства и не были согласны, то они об этом умалчивали. Впоследствии я предложил, чтобы кто-нибудь брал на себя роль « адвоката дьявола » и выражал оппозицию, если таковая не проявлялась. В период кубинского кризиса в этом явно не было нужды !

Важно также, в случае кризиса, чтобы на совещаниях были представлены разнородные правительственные учреждения и департаменты. Тридцать лет назад мир был совсем иной. Все международные вопросы решались государственным секретарем и его департаментом. Не всегда, может быть, решались правильно, но, по крайней мере, то обстоятельство, что решение принадлежало одному департаменту, позволяло справляться с проблемами. Обязательств у нас было не слишком много, — гораздо меньше, чем в настоящее время, — но все-таки, мы уже были могущественной державой. У нас была возможность — и мы ею пользовались — навязывать наши желания силой, если считали необходимым, когда дело касалось наших интересов (например, в Латин-

ской Америке). Государственный секретарь справлялся со своими задачами без особого труда, давал советы президенту в области внешней политики, управлял своим департаментом, руководил дипломатическими сношениями с теми немногими странами, которые, как считалось, имели значение, и защищал финансовые интересы наших граждан во всем мире.

Но все это имеет мало общего с положением государственного секретаря сегодня. Звание то же. Он так же заведует внешними сношениями. Но на этом, в сущности, сходство кончается. Сегодня пост государственного секретаря включает по крайней мере пять различных должностей, пять различных сфер, за которые государственный секретарь ответственен и каждая из которых могла бы полностью занять его время.

Государственный секретарь имеет дело больше, чем со ста двадцатью странами, поддерживает связь с Организацией Объединенных Наций, совершает путешествия во множество государств. Он принимает иностранных послов, присутствует на банкетах, и у него много протокольных и светских обязательств. (Тому, кто сочтет такие обязательства маловажными, напомним, что государственный секретарь Раск не смог однажды сопровождать президента Кеннеди на очень важное совещание с премьер-министром Макмилланом в Нассау из-за одного дипломатического обеда, на котором считал необходимым присутствовать). Десятки кризисов, разной значительности, возникают постоянно, то тут, то там: в Конго, в Нигерии, в Индонезии, в Адене, или в других местах. И государственный секретарь должен уделять внимание каждому из них. Кроме того, мы постоянно живем под знаком одного или двух крупных кризисов: Берлин в 1961-ом году, Куба — в 1962-ом,

а теперь Вьетнам. Одним словом, на обязанностях государственного секретаря лежит управление одним из самых значительных и сложных министерств.

Кроме времени и энергии, необходимых для управления этим министерством, нужно отметить и другое существенное изменение в области внешних сношений. Тридцать лет назад международными делами занимался один только государственный департамент. Теперь это изменилось. Много других учреждений и министерств несут прямую ответственность и обладают полномочьями в области иностранной политики, в том числе: Пентагон, ЦРУ (Центральное разведывательное управление), АИД (Агенство международного развития), и, в меньшей степени, — ЮСИА (Информационное агенство Соединенных Штатов), и другие независимые и полунезависимые учреждения.

В некоторых странах наибольшим авторитетом обладает руководитель АИД'а, а наш посол, хотя он и представляет государственный департамент, Соединенные Штаты и президента, имеет относительно малый вес. В иных государствах, которые мне довелось посетить, главным американским персонажем является представитель ЦРУ. Во многих странах Латинской Америки главную роль играет глава нашей военной миссии. Значительную роль повсеместно играет ЮСИА, в меньшей степени — Корпус мира, экспортно-импортный банк, американские деловые круги вообще, а иногда и частные бизнесмены.

Президент должен выслушивать мнения не только государственного департамента, но и отдельных представителей Пентагона, ЦРУ, АИД'а, не говоря уж о других. Имеющаяся у них информация, их знание дела, их суждения, — все это может ока-

заться чрезвычайно ценным и не совпадать обязательно с информацией, мнениями и суждениями государственного департамента.

Правда и то, что неся на плечах тяжелую ответственность, государственный секретарь не может лично вникать во все детали кризисов, находящихся в ведении его министерства. Не исключена и опасность, что те или иные сведения, пройдя предварительно через множество рук, будут доставлены ему, или президенту, в искаженном виде, будь то вследствие упущения фактов витального значения или неправильной их оценки. Потому для президента бывает существенно сохранять личный контакт с экспертами и специалистами государственного департамента. Благодаря этому он обеспечивает себе доступ к имеющейся информации, минуя, в той мере, в какой это возможно, промежуточные инстанции.

В период кубинского кризиса президента информировали не только главные министерства. Он сделал все возможное для того, чтобы из-за ранга своего и положения не оказаться оторванным от целого ряда лиц и тенденций. Он ценил советы членов правительства, но интересовался и мнением тех, кто непосредственно был связан с событиями. Он выслушивал государственного секретаря Раска, но хотел также знать, что скажет Томми Томпсон, бывший (и нынешний) посол в Советском Союзе, чьи суждения о русских и предсказания их будущих действий оказались изумительно точными, а советы и рекомендации — из ряда вон выходящими. Он хотел знать, что думают Эд Мартин, заместитель государственного секретаря по делам Латинской Америки, способствовавший выступлению в нашу поддержку южно-американских государств, и Джордж Болл, помощник государственного секретаря, чьи советы и суждения

не имели цены. Он прислушивался к словам министра обороны Макнамары, но и к мнению его заместителя Джилпатрика, на способности, компетентность и суждения которого он полагался при всех критических обстоятельствах.

В разное время мне часто приходилось замечать попытки не допускать на собрания с участием президента лиц, не разделявших его точек зрения. Бывало, президент отдавал себе в этом отчет и расширял число участников, чтобы на собрании были представлены и другие мнения. В период ракетного кризиса он хотел быть уверенным, что в совещаниях принимают участие эксперты и представители самых различных тенденций. Президент Кеннеди хотел, чтобы его окружали люди, вне зависимости от их ранга и положения, смело ставящие вопросы, критикующие, люди, что называется, с головой, с собственной точкой зрения, — такие, на здравый смысл которых можно было бы положиться.

Он хотел, чтобы излагались и подвергались критике все возможные последствия того или иного нашего действия. Первый шаг может казаться разумным, но какова будет реакция наших противников? Окажемся ли мы действительно в выигрышном положении? Я помню одно совещание в Лаосе, в 1961-ом году. Военные единогласно настаивали на отправке в Лаос значительного количества американских войск с целью «умиротворения» этой страны. Войска предполагалось высадить на двух аэродромах с ограниченной посадочной способностью. Кто-то спросил, что мы сделаем, если после первой же высадки многочисленных частей, еще не получивших полного снаряжения, лаосские коммунисты разбомбят аэродромы и поведут на нас атаку. Представители военных властей заявили, что в этом случае нам

придется разрушить Ханой и может быть пустить в ход ядерное оружие . . . Президент Кеннеди войск не послал и приложил все усилия к тому, чтобы защитить наши интересы путем дипломатическим.

В напряженные и трудные периоды, когда требовалось произвести ясный — без предубеждений — критический анализ положения, президент часто обращался к министру финансов Дугласу Диллону, чью компетентность высоко ценил, к своему личному секретарю Кенни О'Доннеллу, к Теду Соренсену, а иногда и к бывшему государственному секретарю Дину Ачесону, к бывшему министру обороны Роберту Ловетту, к бывшему верховному комиссару в Германии Макклой'ю, и к другим. Их роль была задавать трудные вопросы, заставлять других защищать свои позиции, выдвигать противоположные точки зрения, формулировать сомнения.

Я думаю, это было особенно необходимо в вопросах военного порядка. На президента Кеннеди произвели большое впечатление преданность и усердие, с которыми военные реагировали на положение: военно-морской флот развернулся в Карибском море, авиация находилась в постоянной готовности, армия и морская пехота двинули подразделения и боевую технику в юго-восточный район Соединенных Штатов. Все были на чеку, готовы к бою.

Но его приводило в отчаяние, что все представители вооруженных сил, с которыми мы встречались, — за исключением, пожалуй, одного генерала Тэйлора, — крайне мало, казалось, заботились о последствиях предлагаемых ими мер. Они, как-будто, убеждены были в том, что, как бы ни повели себя русские и кубинцы, война — при всех обстоятельствах — отвечает нашим национальным интересам. Один из начальников

объединенных штабов сказал мне как-то раз, что является сторонником превентивного нападения на Советский Союз. В то историческое воскресенье, когда русские сообщили, что увозят свои ракеты, один высокопоставленный военный советник предложил все равно атаковать в понедельник. Другому все казалось, что нас как-то обманули...

Президента Кеннеди огорчала подобная узость и ограниченность военных. Однако, возвращаясь к этому вопросу, он говорил, что не надо забывать подготовку этих людей. Они подготовлены с определенной целью. Война — в каком-то смысле — является их призванием, и потому ограниченность их можно понять. Нас больше, может быть, беспокоило бы, если бы они всегда противились применению оружия, потому что, если бы противились они, то кто другой не противился бы? Однако, опыт доказал, насколько важно, чтобы управление и контроль оставались в гражданских руках, насколько важно критически относиться к рекомендациям военных.

По этим причинам, как и по многим другим, президент Кеннеди особенно ценил Макнамару и считал его одним из наиболее полезных служащих государства — в администрации и в правительстве.

Благодаря всестороннему изучению положения с военными специалистами и с государственным департаментом, критическому разбору их рекомендаций, президент Кеннеди надеялся быть готовым ко всем случайностям, — к тем, по крайней мере, которые возможно предугадать. Он знал, что принимает решения с наиболее полным знанием дела, хотя никакое решение не бывает всецело удовлетворительным. Его поведение во время ракетного кризиса показало, какое важное значение имеет

критический подход к насущным вопросам, а также — разносторонняя их проверка.

Кризис показал также, как важно пользоваться мировым уважением, как существенно иметь друзей и союзников. Сегодня, — пять лет спустя, — я замечаю в конгрессе и во всей стране растущую склонность к изоляционизму, недовольство тем, что мы слишком уж тесно связаны с другими народами, некоторую обиду на то, что нас мало поддерживают во Вьетнаме, что программа АИД'а по существу бесполезна, и что союзные соглашения — чреватые опасностями. И я думаю, что всем нам полезно почаще вспоминать те критические дни, — в октябре 1962-го года.

Мы не всегда пользовались поддержкой стран Латинской Америки во всем, что предпринимали. Некоторые южно-американские страны — из тех, что считаются главными — часто противились проведению мер, которые мы принимали в наших общих интересах. Они не поддерживали нас и порой подвергали наше терпение суровому испытанию. Однако, в дни кубинского кризиса, когда исход дела приобрел важнейшее значение, когда Соединенные Штаты оказались в трудном положении, страны эти единодушно выступили в нашу поддержку и поддержка их сыграла существенную роль.

Именно резолюция ОАГ дала блокаде ее юридическое обоснование. Готовность этих государств признать руководство Соединенных Штатов, оказалась для Хрущева неожиданной, была для него серьезным ударом. Психологически, да и практически тоже, она произвела на русских огромное впечатление: из преступников, нарушающих международное право, мы превратились в страну, действующую в согласии с двадцатью союзниками, законно защищающими свои интересы.

Точно так же важнейшую роль сыграла поддержка наших союзников по НАТО, быстрота, с которой Аденауер, генерал де Голль и Макмиллан стали публично на нашу сторону. Безоговорочно, без малейшего колебания, они приняли наше изложение фактов и выступили публично в нашу поддержку. Если бы отношения с нашими союзниками не были основаны на доверии и взаимном уважении, если бы страны НАТО отнеслись с недоверием к нашим мероприятиям и к возможным последствиям для них самих, если бы Хрущеву удалось произвести раскол в НАТО или отколоть от нас хотя бы одного из наших союзников, наша позиция оказалась бы серьезно ослабленной.

Даже в Африке нас поддерживали такие страны, которые — как это считалось — были настроены к нам враждебно. Согласно нашим военным специалистам, даже при наличии блокадного кольца вокруг Кубы, советские самолеты могли продолжать доставлять на Кубу ядерные заряды. Для этого им надо было запрашивать в Западной Африке, а именно — в Гвинее или в Сенегале, странах, обладающих аэродромами с достаточной посадочной способностью и возможностями для заправки. Президент Кеннеди поручил нашим послам встретиться с президентами этих двух стран.

Президента Гвинеи, Секу Турэ, усиленно критиковали в Соединенных Штатах за дружбу с коммунистическими странами, что не мешало ему быть поклонником президента Кеннеди. Когда наш посол посетил его, он тотчас же принял на веру описание президентом Кеннеди того, что происходит на Кубе. Он заявил, что Гвинея не намерена помогать кому бы то ни было устанавливать военные базы на чужой территории. Советские самолеты не получают разрешения запрашивать в Конакри.

В Дакаре наш посол Филип М. Кайзер поддерживал близкие личные отношения с президентом Леопольдом Сенгором, который незадолго до того совершил успешную поездку в Вашингтон. Он тоже быстро сообразил в чем опасность и решил запретить советским самолетам заправляться в Дакаре.

Короче говоря, одинаково важно иметь друзей и союзников, и — как сказал Томас Джефферсон — уважать мировое общественное мнение. Мы не можем быть островом, даже если бы этого хотели, и нет нам пользы в том, чтобы отделяться от остального мира.

Наше раздражение в связи с войной во Вьетнаме не должно закрывать нам глаза на то, что в будущем всегда могут возникнуть другие ракетные кризисы, иного рода и при иных обстоятельствах. Но если мы хотим успешно преодолеть их, обеспечить нашу собственную безопасность, нам нужны друзья, нужны союзники, нужны страны, которые верят нам и уважают нас, которые готовы следовать за нами.

Последнее, чему научил нас кубинский кризис это то, как важно уметь поставить себя на место другого. В течение всего кризиса президент Кеннеди потратил больше всего времени на то, чтобы воображать, как подействуют на Хрущева те или иные наши решения. Все время им руководила мысль о том, как бы не скомпрометировать Хрущева, не подорвать престижа Советского Союза, не поставить русских в такое положение, в котором соображения национальной безопасности или национальных интересов принудили бы их к эскалации ответных действий.

Вот почему так претила ему мысль о перехвате и досмотре советского судна, почему он так противился нападению на ракетные установки. Он понимал, что русские вынуждены будут ответить военными действиями.

Отсюда и решение с самого начала не атаковать, а применить блокаду, решение пропустить «Бухарест», решение задержать для начала судно не советское. Все эти меры, как и многие другие, были приняты, чтобы оказать давление на Советский Союз, но ни в коей мере не умаляя публично его престижа.

Просчеты и ошибочные суждения, эскалация с одной стороны, всегда вызывают контр-меры — с другой. Никакая мера против сильного противника не бывает чем-то отвлеченным, невесомым... Правительство и народ, не понимающие этого, подвергают себя величайшей опасности. В сущности, именно так и начинаются войны, войны, которых

никто не хочет, никто не начинает и никто не выигрывает.

Принимая свои решения, президент Кеннеди никогда не упускал этого из виду. Он всегда задавал себе вопрос: уверены ли мы в том, что Хрущев правильно понял, что именно — как нация — мы считаем существенно важным для себя? Достаточным ли временем располагает Советский Союз, чтобы трезво реагировать на тот или иной наш шаг? Ко всем нашим действиям — будь то перехват корабля, рейды низколетящих самолетов или публичное заявление, — прилагалась именно эта мерка.

Президент Кеннеди понимал, что Советский Союз отнюдь не стремится к войне. В свою очередь, и русские понимали, что мы тоже хотим избежать вооруженного столкновения. Следовательно, если бы все-таки конфликт развязался, то это могло бы случиться только по двум причинам: вследствие столкновения наших жизненных интересов, — что в данном случае представлялось мало вероятным, — или потому, что мы или они не поняли, к чему стремится противная сторона.

Президент Кеннеди приложил все усилия к тому, чтобы убедить Хрущева словом и делом, — потому что важно было и то и другое, — что цели Соединенных Штатов ограничены и что, осуществляя их, мы не угрожаем национальной безопасности Советского Союза или его престижу.

Позже, в речи, обращенной к Американскому университету, он скажет: «Охраняя свои жизненные интересы, атомные державы должны главным образом избегать таких конфликтов, в которых перед противником встает выбор между унижительной капитуляцией и ядерной войной».

На протяжении всего кризиса он неустанно подчеркивал в разговорах с нами, что если мы

поставим Советский Союз в такое положение, в котором он сочтет, что мы угрожаем его национальной безопасности или наносим ему публичное оскорбление, грозящее потерей уважения собственного народа и народов всего мира, — то война станет неизбежной. Ракеты на Кубе представляли собой угрозу нашей безопасности, но отнюдь не безопасности Советского Союза.

В конце концов Хрущев это признал, и то, что он это признал, поколебало, я думаю, непримиримую его до тех пор позицию. С самого начала президент Кеннеди считал советского премьера человеком рассудительным и умным, и верил в то, что он позицию свою изменит, если только дать ему достаточно времени и убедить в нашей решимости. Но, так или иначе, всегда оставалась возможность ошибки, просчета, недоразумения. И президент Кеннеди считал себя обязанным сделать все возможное для уменьшения с нашей стороны этого риска.

Его ни на минуту не покидала мысль об опасности уничтожения всего человечества. Кто-то сказал однажды, что третья мировая война будет вестись ядерным оружием, а следующая — дубинами и камнями.

Как я уже сказал, книга Барбары Тухман «Август 1914» произвела на президента большое впечатление. «Я не собираюсь действовать так, — сказал он мне в субботу вечером, 26-го октября, — чтобы кто-нибудь мог написать в будущем книгу, озаглавленную на сей раз: «Октябрьские ракеты». Если кто-нибудь еще останется в живых, чтобы написать об этом, пусть он, хотя бы, знает, что мы приложили все усилия к тому, чтобы сохранить мир, чтобы предоставить нашим противникам свободу для разумных действий. Я не на-

мерен толкать русских ни на шаг дальше, чем это необходимо ».

Когда все было кончено, он не сделал ни одного заявления с целью приписать себе или своей администрации заслугу в этом деле. Он предписал членам исполнительного комитета и правительства не давать никаких интервью, не делать никаких заявлений, провозглашающих победу. Он уважал Хрущева за то, что тот правильно оценил интересы собственной страны и интересы всего человечества. Если исход кризиса и был чьим-то триумфом, то не триумфом того или иного правительства или народа, а триумфом грядущих поколений.

Когда разразилась первая мировая война, бывший германский канцлер фон Бюлов спросил своего преемника: «Как это все случилось»? Тот ответил: «Ах, если бы мы знали»...

ПРИМЕЧАНИЕ

Сенатор Кеннеди намеревался дополнить написанное постановкой в этигеской плоскости вопроса: какие обстоятельства — если таковые имеются — дают нашему или любому иному правительству нравственное право поставить собственный народ и, может быть, все народы, под угрозу ядерного уничтожения? Он писал эту книгу летом и осенью 1967-го года, основываясь на записях в своем дневнике и на воспоминаниях, но так и не полужил возможности отредактировать и дополнить ее.

Теодор С. Соренсен.

ДОКУМЕНТЫ

**Обращение президента Кеннеди
к американскому народу 22-го октября 1962-го
года.**

Согласно своему обещанию, наше правительство установило тщательный надзор за советской военной деятельностью на острове Куба. В течение прошлой недели поступили неопровержимые доказательства того, что на поработанном этом острове воздвигаются установки для размещения ракетного наступательного оружия. Целью строительства этих баз может быть только создание термоядерного потенциала, направленного против Западного полушария.

По получении первых достоверных информации, — в прошлый вторник, 16-го октября, в 9 часов утра, — я распорядился усилить наблюдение. Получив соответствующие подтверждения и подвергнув их тщательному анализу, правительство приняло должные меры, и я считаю себя обязанным уведомить вас во всех подробностях об этом новейшем кризисе.

Специфические особенности данных ракетных баз указывают на наличие двух различных видов установок. Одни установки предназначены для ракет среднего радиуса действия, способных переносить термоядерные заряды на расстояние, превышающее тысячу миль. Другими словами, каждая из этих ракет способна достичь Вашингтона, Па-

намского канала, мыса Канаверала, Мексико, и любого другого города юго-восточной части Соединенных Штатов, центральной Америки или Карибского бассейна.

Другие установки, еще не достроенные, предназначены, по всей видимости, для размещения баллистических ракет промежуточного радиуса действия, способных лететь вдвое дальше. Следовательно, они могут достичь главных городов на Гудсоновском заливе и в Канаде — к северу, и города Лима, в Перу, — к югу. Кроме того, на Кубе сейчас разгружаются реактивные бомбовозы, способные перевозить атомные бомбы. Одновременно сооружаются необходимые авиабазы.

Превращение Кубы, в ускоренном темпе, в важную стратегическую базу — на что указывает наличие на ней мощного разрушительного оружия дальнего радиуса действия, явно наступательного характера, — представляет собой несомненную угрозу миру и безопасности всего американского континента и свидетельствует о вопиющем пренебрежении к Рио-де-Жанейровскому пакту 1947-го года, к традициям нашего государства и нашего материка, к резолюции 87-го конгресса, к уставу ООН, и к моим собственным публичным предостережениям в адрес Советского Союза от 4-го и 18-го сентября.

Действия эти находятся также в противоречии с повторными заверениями советских представителей, — публичными и частными, — что поставка советского вооружения на Кубу имеет характер чисто оборонительный, и что Советский Союз не видит надобности и не испытывает желания размещать стратегические ракеты на территории какого бы то ни было чужого государства.

Размах всего этого предприятия указывает на то, что оно было задумано уже несколько месяцев

назад. Однако, всего лишь в прошлом месяце, когда я с точностью определил различие — в наших глазах — между поставкой на Кубу ракет « земля-земля » и наличием там оборонительных зенитных ракет, советское правительство выступило 11-го сентября с публичным заявлением. Я цитирую: « Оружие и военное снаряжение, поставляемые Кубе, предназначены исключительно для целей обороны ». Я цитирую дальше: « Советское правительство не видит надобности размещать оружие, предназначенное для репрессалий, в какой бы то ни было другой стране, как, например, Куба ». И я еще цитирую: « Ракеты для переноса термоядерных зарядов, которыми располагает Советский Союз, настолько мощные, что нет нужды строить для них стартовые установки за пределами Советского Союза ». Все эти заявления были лживыми.

Не далее, как в прошлый четверг, когда доказательства ускоренного строительства и размещения наступательных средств уже были у нас в руках, советский министр иностранных дел Громыко заявил, у меня в кабинете, что он уполномочен подтвердить еще раз прежние заявления советского правительства, а именно, что помощь, оказываемая Кубе Советским Союзом — я цитирую: « преследует единственную цель — содействовать обороноспособности Кубы », и что — я опять цитирую: « обучение кубинцев советскими специалистами обращаться с оборонительным оружием ни в коем случае не может рассматриваться как действие враждебное ». Громыко добавил: « Если бы дело обстояло иначе, советское правительство никогда не стало бы оказывать такого рода помощь ». Это заявление тоже было лживым !

Ни Соединенные Штаты, ни все остальные народы, не могут примириться с фактом преднамеренного обмана и с угрозой агрессии со стороны

какого бы то ни было государства, великого или малого. Мир, в котором мы живем, больше не тот, в котором только фактическое применение оружия нарушало безопасность той или иной страны и являлось максимальной для нее угрозой. Термоядерное оружие настолько разрушительно, а скорость баллистических ракет настолько велика, что малейшее расширение возможности их использования, малейшее неожиданное изменение в их дислокации, можно рассматривать как реальную и недвусмысленную угрозу миру.

В течение многих лет, как Советский Союз, так и Соединенные Штаты, признав этот факт, размещали свое стратегическое термоядерное оружие с большой осторожностью, стараясь не нарушать непрочного статуса кво, гарантии того, что оружие это не будет использовано при отсутствии угрозы их жизненным интересам. Мы никогда не размещали наше собственное термоядерное оружие, под прикрытием секрета или обмана, на территории другого государства, и вся наша история со времени окончания второй мировой войны, в отличие от истории советского государства, доказывает, что мы не стремимся к покорению других стран, к господству над ними, или к навязыванию нашего строя другим народам. Несмотря на это, американским гражданам пришлось ужиться с тем, что на них постоянно нацелены советские ракеты, размещенные в Советском Союзе или на подводных лодках.

В этом смысле, ракеты, расположенные на Кубе, еще усиливают существующую опасность, — хотя, надо сказать, страны Латинской Америки никогда до сих пор термоядерной угрозе подвержены не были.

Тот факт, что коммунисты, в срочном порядке и под секретом, сооружают ракетные установки

на Кубе, в части света, связанной, как известно, историческими узами с Соединенными Штатами и с другими странами американского континента, сооружают их вопреки данным заверениям, с полным пренебрежением к политике Соединенных Штатов и всего Западного полушария, тот факт, что они приняли внезапное и негласное решение разместить стратегическое оружие впервые не на советской земле, — все это является преднамеренным, провокационным и ничем не оправданным нарушением статуса кво, нарушением, с которым наша страна не может примириться, если не хочет, чтобы друзья и враги навсегда усомнились в нашем мужестве и в нашей верности принятым обязательствам.

Тридцатые годы послужили нам уроком. Политика агрессии, если дать ей развиваться безнаказанно и беспрепятственно, в конечном итоге приводит к войне. Мы — противники войны, но мы верны своему слову. Следовательно, нашей неуклонной целью должно быть предотвращение использования этих ракет против нашей или любой другой страны, и мы должны добиться удаления их из пределов Западного полушария.

До сих пор в основе нашей политики лежали терпение и сдержанность, как и подобает миролюбивой и могущественной державе, стоящей во главе союза мирового масштаба. Мы решительно не допускали, чтобы явные провокаторы и фанатики отвлекали нас от основных заданий. Но теперь положение требует принятия иных мер. Меры эти уже пущены в ход и, возможно, они — только первые. Мы не собираемся преждевременно и без крайней необходимости идти на риск мировой термоядерной войны, в которой даже плоды победы неизбежно будут смешаны с пеплом, но мы

не отступим перед этим риском, пойдем на него всякий раз, когда это потребуется.

Следовательно, действуя в интересах нашей безопасности и безопасности всего континента, я — властью, данной мне конституцией и утвержденной конгрессом, — приказал незамедлительно провести следующие мероприятия:

Во-первых: вводится строжайший карантин с целью помешать доставке на Кубу всякого рода наступательного оружия. Всем судам, какой бы национальности они ни были и откуда бы ни плыли, на борту которых будет обнаружено наступательное оружие, будет предписано остановиться и повернуть обратно. В случае необходимости, блокада будет распространена и на другие грузы и корабли. Однако, в настоящий момент мы не намерены лишать кубинцев предметов первой необходимости, как это пытались сделать Советы во время блокады Берлина в 1948-ом году.

Во-вторых: я приказал продолжать непрерывное, усиленное наблюдение за Кубой и за военным строительством на ней. В резолюции от 3-его октября министры иностранных дел американских государств — членов ОАГ — отказались от засекречивания вооружений на американском континенте. Если наступательные приготовления будут продолжаться и связанная с ними угроза континенту — расти, нам придется принять дальнейшие меры. Я приказал нашим вооруженным силам быть готовыми ко всякой случайности, и я надеюсь, что и кубинцы, и советские специалисты на строительных площадках, ясно отдадут себе отчет, чем они рискуют, если будут продолжать свои наступательные приготовления.

В третьих: отныне, согласно принципам нашей политики, мы будем рассматривать ракетный удар с Кубы, направленный против любого государства

американского континента, как атаку Советского Союза против Соединенных Штатов, атаку, требующей неограниченных репрессалий.

В четвертых: в предвидении возможных военных осложнений, я распорядился укрепить нашу базу в Гуантанамо, эвакуировать с нее сегодня же семьи нашего персонала, и привести в боевую готовность дополнительные воинские части.

В пятых: на сегодня же, в срочном порядке, созвано совещание консультативного органа Организации американских государств для рассмотрения создавшейся угрозы безопасности американского континента и для принятия всех необходимых мер, согласно параграфам 6 и 8 Рио-де-Жанейровского договора. Устав ООН допускает региональные соглашения, касающиеся безопасности, и государства нашего континента давно уже высказались против присутствия здесь вооруженных сил посторонних государств. Другие наши союзники во всем мире тоже поставлены в известность.

В шестых: в согласии с уставом ООН, мы требуем сегодня срочного созыва Совета Безопасности с тем, чтобы были приняты меры против угрозы миру со стороны Советского Союза. Мы представим резолюцию с требованием быстрого демонтажа установок и удаления всех наступательных вооружений под контролем наблюдателей ООН, прежде, чем, блокада будет отменена.

Наконец, в седьмых: я обращаюсь к председателю совета министров Хрущеву с предложением прекратить и упразднить эту скрытую, безрасудную, провокационную угрозу миру всего мира, и установить нормальные, устойчивые отношения между нашими государствами. Я обращаюсь к нему с призывом отказаться от соревнования за мировое господство и соединить наши усилия, что-

бы прекратить пагубную гонку вооружений и тем самым изменить направление истории человечества. В его власти теперь — оттянуть мир от края пропасти и, следуя собственным своим заявлениям о том, что нет нужды Советскому Союзу устанавливать ракеты за пределами своей территории, удалить это оружие с Кубы и воздержаться от всякого действия, грозящего расширить или углубить настоящий кризис, а затем — принять участие в поисках мирного, окончательного разрешения его.

В тяжбе с Советами, угрожающими миру, мы готовы — не ограничивая свою свободу действий — в любое время, в любом суде, в Организации американских государств, в ООН, или перед любой другой инстанцией, защищать свое дело и предложить заключения, полезные для мира.

В прошлом мы приложили всемерные усилия, чтобы ограничить распространение термоядерного оружия. Мы предложили заключить договор о разоружении на справедливых и эффективных началах, который упразднил бы потребность во всяком оружии вообще и в военных базах. Мы готовы опять вступить в переговоры и обсудить всякое предложение, имеющее целью разрядку напряженности в обоих лагерях, а также — превращение Кубы в действительно независимую страну, страну, которая сама решает свою судьбу. Мы не стремимся к войне с Советским Союзом так-как мы — народ миролюбивый и хотим жить в мире со всеми народами.

Но трудно решать эти вопросы, или даже приступить к их рассмотрению, в атмосфере запугивания. Поэтому, нынешняя угроза со стороны Советов, или всякая новая угроза, могущая возникнуть независимо от принятых нами мер или в ответ на них, встретит с нашей стороны решитель-

ный отпор. Всякий враждебный шаг, где бы то ни было, представляющий угрозу безопасности или свободе народов, с которыми нас связывают обязательства, — угрожающий, в частности, мужественному населению Западного Берлина, — будет встречен подобающим образом.

В заключение, я обращаюсь к закрепощенному кубинскому народу, который может непосредственно слушать по радио мои слова. С вами говорит друг, знающий вашу глубокую привязанность к родине, разделяющий ваше стремление к свободе и справедливости для всех. Я наблюдал с глубокой скорбью, — и весь американский народ наблюдал вместе со мной, — как была предана ваша национальная революция и как ваша родина подпала под власть чужеземцев. В настоящее время, ваши вожди — больше не кубинские вожди, вдохновляемые кубинскими идеалами. Они — марионетки, агенты на службе у международных конспираторов, натравивших Кубу на ее друзей и американских соседей, превративших ее в первую страну Латинской Америки, рискующую стать объектом в термоядерной войне, в первую страну Латинской Америки, на территории которой расположено термоядерное оружие.

Это новое оружие не служит вашим интересам. Оно ничем не способствует миру и благосостоянию вашей страны. Оно может только подорвать и то и другое. Но наше государство не намерено причинять вам страданий или навязывать вам какой бы то ни было режим. Мы знаем, что вы и ваша страна — только пешки в руках тех, кто отрицает за вами право на свободу.

В прошлом, кубинский народ часто восставал против тиранов, посягавших на его свободу. И я не сомневаюсь в том, что в большинстве своем кубинцы и сегодня ждут того дня, когда они станут

действительно свободными, — свободными от иностранного владычества, свободными выбирать своих вождей, свой режим, владеть своей землей, говорить и писать без страха и унижения. В тот день все свободные народы нашего континента, и ассоциации их, встретят Кубу с распростертыми объятиями.

Дорогие сограждане, не может быть сомнения в том, что нам предстоят тяжкие и опасные испытания. Никто не знает, как развернутся события, чего они нам будут стоить, каких потребуют жертв. Нам предстоят месяцы самопожертвования и самообладания, месяцы, в течение которых наше терпение и сила воли будут подвергнуты суровому испытанию, месяцы, насыщенные угрозой и клеветой, когда ни на минуту нельзя забывать о грозящей опасности. Но самая большая опасность кроется в бездействии.

Тот путь, который мы избрали, полон препятствий, как и всякий путь, но он более других соответствует нашему характеру, мужеству нашего народа, нашим обязательствам перед всем миром. Цена свободы высока, но американцы всегда платили ее. Есть путь, на который мы никогда не встанем, — это путь капитуляции и покорности.

Наша цель — торжество не силы, а права, не мир за счет свободы, а мир и свобода — вместе. Здесь, на нашем континенте и — будем надеяться — на всей земле. Дай Бог, чтобы цель эта была достигнута.

Прокламация Соединенных Штатов 23-его октября 1962-го года.

Принимая во внимание, что размещение китайско-советским блоком на Кубе военных насту-

пательных средств, включая баллистические ракеты радиуса действия, покрывающего большую часть, как северной, так и южной Америки, ставит под угрозу мир всего мира и безопасность Соединенных Штатов и всех других американских государств;

Принимая во внимание, что резолюция конгресса Соединенных Штатов, одобренная 3-его октября, выражает решимость Соединенных Штатов воспротивиться всеми средствами, включая применение вооруженной силы, тому, чтобы марксизм-ленинизм — опираясь на силу или на угрозу применения ее — распространил свою агрессивную или подрывную деятельность с Кубы на какую бы то ни было другую часть американского континента, а также — решимость помешать созданию или использованию на Кубе, с поддержкой извне, военного потенциала, могущего поставить под угрозу безопасность Соединенных Штатов;

Принимая во внимание, что консультативный орган американских республик, заседая в Вашингтоне 23-его октября 1962-го года, предложил государствам-членам ОАГ, на основе шестого и восьмого параграфов межамериканского договора о взаимной помощи, принять те индивидуальные и коллективные меры, которые сочтут необходимыми, — включая применение вооруженной силы, — чтобы прекратить поставку китайско-советским блоком на Кубу наступательных средств и вспомогательного оборудования, а также — предупредить превращение расположенных на Кубе наступательных ракет в реальную угрозу миру и безопасности континента;

Принимая во внимание вышеизложенное, я, — Джон Кеннеди, президент Соединенных Штатов, — властью, данной мне конституцией и законами

Соединенных Штатов, действуя в согласии с упомянутыми резолюциями конгресса Соединенных Штатов и консультативного органа американских республик, с целью охранить безопасность Соединенных Штатов, настоящим объявляю: подчиненным мне вооруженным силам предписывается воспретить, согласно прилагаемым инструкциям, перевозку на Кубу наступательных средств и вспомогательного оборудования, начиная с 24-го октября 1962-го года, четырнадцати часов по гринвичскому времени.

Накладывается запрет на следующие материалы:

Ракеты класса «земля-земля», бомбардировщики, бомбы, ракеты класса «воздух-земля» и управляемые ракеты, боевые части для выше-названного оружия, механическая и электронная аппаратура, необходимая для приведения его в действие, а также все другие материалы, указанные министром обороны с целью приведения в исполнение настоящей прокламации.

В исполнение настоящего предписания, министр обороны примет все необходимые меры, чтобы предотвратить доставку на Кубу запрещенных материалов, используя для этого сухопутные, морские и воздушные вооруженные силы Соединенных Штатов, в сотрудничестве с вооруженными силами, могущими быть выставленными другими государствами.

В исполнение настоящего предписания, министр обороны уполномочен издавать все правила и указы, которые сочтет нужными, в том числе — об установлении, на разумном расстоянии от Кубы, запретных зон и об ограничении дозволенных маршрутов.

Всякое судно или корабль, держащие курс на Кубу, могут быть перехвачены. Судно должно бу-

дет назвать себя, указать — какой везет груз, какое на борту оборудование, какие резервы, указать порт назначения. Ему будет приказано остановиться с целью досмотра и инспекции, или же оно получит разрешение следовать дальше. Судно, которое не исполнит приказания или воспротивится ему, будет взято под стражу. По мере возможности, всякому судну, явно направляющемуся к Кубе и имеющему на борту запрещенные материалы, — или могущему быть рассматриваемым само как запрещенный материал, — будет предложено изменить маршрут по собственному усмотрению. В случае отказа, судно будет взято под стражу. Всякое судно, взятое под стражу, будет отводиться в один из портов Соединенных Штатов, и к нему будут применены соответствующие меры.

В исполнении настоящего предписания, сила будет применяться только в случае отказа в повиновении или отказа следовать указаниям и предписаниям, установленным министром обороны, после доведения их, всеми возможными средствами, до сведения судов и кораблей, а также — в целях самообороны.

Засвидетельствовано моей собственноручной подписью и приложением печати Соединенных Штатов Америки.

Составлено в городе Вашингтон, 23-его октября 1962-го года по Р.Х., и 187-го года независимости Соединенных Штатов Америки.

Джон Фицджеральд Кеннеди
19 часов 06.
23-его окт. 1962.

**Резолюция Организации американских
государств
23-его октября 1962-го года.**

Принимая во внимание,

— что межамериканский договор о взаимной помощи, заключенный в 1947-ом году (в Рио-де-Жанейро) накладывает на американские республики обязательство «оказывать друг другу активную помощь, в случае вооруженного нападения на одно из американских государств или для предотвращения угрозы нападения на одно из них»,

— что параграф 6 этого договора гласит:

«В случае угрозы неприкосновенности или территориальной целостности, или суверенности и политической независимости одного из американских государств, вытекающей из агрессивных действий, не являющихся вооруженным нападением, или из конфликта за пределами континента или в пределах его, или из любого другого факта или ситуации, представляющих опасность для мира в Америке, — консультативный орган немедленно соберется и решит, каким путем оказать помощь жертве агрессии — в случае агрессии, или, какие принять меры для совместной обороны и обеспечения мира и безопасности континента — в любом другом случае.

— что восьмое консультативное совещание министров иностранных дел американских республик в Пунта-дель-Эсте, в январе 1962-го года, постановило — в резолюции № II — «предложить государствам — членам ОАГ принять те меры, которые считают нужными для индивидуальной и коллективной самообороны, а также развить сотрудничество, необходимое и желательное, с целью уси-

ления — в согласии с обязательствами, вытекающими из договоров и соглашений, как устав Организации американских государств и межамериканский договор о взаимной помощи, — средств отпора всякой агрессивной или подрывной деятельности, или иной угрозе миру и безопасности, проистекающей из постоянного вмешательства китайско-советского блока в дела американского континента »,

— министры иностранных дел американских республик, собравшись неофициально в Вашингтоне 2-го и 3-его октября 1962-го года, вновь заявили о « твердом намерении представленных ими правительств и народов американских республик следовать принципам региональной системы, прочно укрепляя и поддерживая тем самым принципы ОАГ, и о решимости своей, исполняя Рио-де-Жанейровский межамериканский договор о взаимной помощи, усилить защиту континента от всякой агрессии, внутренней или внешней, при всех обстоятельствах и условиях, представляющих собой угрозу миру и безопасности континента ». Министры выразили мнение, что « существующие организации и исполнительные органы межамериканской системы должны исполнять присущие каждому обязанности, уделяя, в первую очередь, особое внимание положению, созданному на Кубе коммунистическим режимом, и что если обстоятельства потребуют принятия новых мер, сверх допущенных в настоящее время, они должны быть готовы к этому в любой момент ».

На том же собрании министры напомнили, что « интервенция Советского Союза на Кубе угрожает американскому единству и демократическому строю американских стран, что характерные особенности этой интервенции требуют — согласно параграфу Б резолюции II, вынесенной 8-ым кон-

сультативным совещанием министров иностранных дел, — принятия особых индивидуальных и коллективных мер.

Неопровержимые доказательства свидетельствуют о том, что кубинское правительство, вопреки многочисленным предостережениям, действуя обманным путем, поставило под угрозу мир на американском континенте, разрешив китайско-советскому блоку расположить на территории Кубы ракеты среднего и промежуточного радиусов действия, способные переносить термоядерные заряды.

Совет Организации американских государств, действуя в качестве временного консультативного органа, постановляет:

1. Потребовать немедленного демонтажа и вывоза с Кубы всех ракет и другого наступательного оружия.

2. Рекомендовать государствам — членам ОАГ, в согласии с параграфами 6 и 8 межамериканского договора о взаимной помощи, принять все индивидуальные и коллективные меры, включая применение вооруженной силы, которые считают необходимыми, чтобы кубинское правительство не могло больше получать от китайско-советского блока военное оборудование и дополнительные средства, угрожающие миру и безопасности американского континента, а также, чтобы наступательные ракеты, расположенные на Кубе, ни в какой момент не могли вступить в действие и нарушить мир и безопасность континента.

3. Известить Совет Безопасности ООН о настоящей резолюции, согласно параграфу 54 устава Организации Объединенных Наций, и выразить пожелание, чтобы Совет Безопасности, в соответствии с предложением Соединенных Штатов, послал, как можно скорее, на Кубу своих наблюдателей.

4. Продолжать действовать в качестве времен-

ного консультативного органа, и предложить государствам, входящим в Организацию, извещать его о мерах, которые они примут соответственно параграфу 2 настоящей резолюции.

Заявление исполняющего обязанности генерального секретаря У Тана на собрании Совета безопасности ООН, 24-го октября 1962-го года, включающее текст писем, направленных президенту Кеннеди и председателю совета министров Хрущеву.

Господин президент,

Сегодня на Организации Объединенных Наций лежит тяжкая ответственность. На карту поставлены не только интересы непосредственно затронутых сторон, не только интересы государств — членов ООН, но и судьба всего человечества. Если Организация Объединенных Наций окажется бессильной сегодня, то она останется, вероятно, бессильной навсегда.

В настоящих условиях, я бы не исполнил своего долга, — не только долга исполняющего обязанности генерального секретаря, но и просто долга человека, — если бы не выразил искренней надежды и глубокой уверенности, что чувство меры, самообладание и здравый смысл возьмут верх над всеми другими соображениями. В настоящих условиях, когда на чашу весов брошено само существование человеческого рода, меня обнадеживает тот факт, что в обеих резолюциях, представленных Совету, имеется некая общая основа. Независимо от дальнейшей судьбы резолюций, общая эта основа — остается в силе. Из этого

вытекает необходимость срочного вступления в переговоры заинтересованных сторон, хотя, как я уже сказал, весь остальной мир — тоже заинтересованная сторона. Учитывая это, я не могу не отметить, что некоторые предлагаемые или уже проводимые меры, представленные на одобрение Совета, довольно необычны, я бы сказал даже — чрезвычайно необычны, как бывает только в военное время.

По просьбе многих постоянных представителей государств-членов ООН, обсудивших этот вопрос между собой, а затем и со мной, я направил, через постоянных представителей обоих правительств, послания, составленные в одинаковых выражениях, президенту Соединенных Штатов Америки и председателю совета министров СССР:

«Постоянные представители большого числа государств — членов ООН попросили меня в настоящем критическом положении обратиться к Вам с настоятельным призывом. Эти представители считают, что в интересах международного мира и безопасности, всем заинтересованным сторонам следует воздержаться от любых действий, которые могут обострить положение и привести с собой риск войны. По их мнению, важно предоставить время с тем, чтобы заинтересованные стороны получили возможность собраться для того, чтобы разрешить настоящий кризис мирным путем и нормализовать положение в Карибском бассейне. Для этого требуется с одной стороны, добровольная приостановка всех перевозок оружия на Кубу, а также добровольная приостановка карантинных мер, предусматривающих досмотр кораблей, направляющихся на Кубу. Я считаю, что такая добровольная приостановка этих действий на период в две или три недели весьма облегчит положение и даст время заинтересованным сторонам

встретиться и провести обсуждение с тем, чтобы найти мирное разрешение проблемы. В свете этих соображений я охотно предоставляю себя в распоряжение всех сторон для оказания любых услуг, которые я буду в состоянии оказать. Я обращаюсь к Вашему Превосходительству с настоятельным призывом незамедлительно рассмотреть это послание ».

Я направил послания идентичного содержания президенту Соединенных Штатов Америки и председателю совета министров СССР.

В связи с этим, я хочу воспользоваться случаем и обратиться с настоятельным призывом также к президенту и премьер-министру революционного правительства республики Куба. Вчера посол Кубы Гарсия-Инчаутегви напомнил слова своего президента, произнесенные с трибуны генеральной ассамблеи ровно две недели назад. Я цитирую:

« Если бы Соединенные Штаты могли доказать, — словом и делом, — что они не намерены развязывать агрессию против нашей страны, то — я торжественно и во всеуслышание заявляю об этом здесь! — вооружение наше потеряло бы всякий смысл, и армия — стала бы ненужной ».

И тут я чувствую опять, что можно, путем переговоров, найти общую почву и выход из настоящего тупика. Я думаю, что приостановка на время переговоров строительства и расширения главных военных сооружений на Кубе в большой степени этому способствовало бы.

Господин президент, я обращаюсь с торжественным призывом к сторонам немедленно вступить в переговоры, по возможности — сегодня же ночью, не рассчитывая ни на что другое.

Я думаю, что если мой призыв будет услышан, то первое, о чем стороны должны договориться, это условия предварительных переговоров. Каж-

дая сторона должна взять на себя предварительные обязательства, в ожидании достижения общей договоренности. Я надеюсь, однако, что необходимость этого не удержит заинтересованные стороны от вступления в переговоры. По-моему, они проявили бы близорукость, если бы стали требовать гарантий относительно окончательной договоренности прежде, чем вступить в переговоры предварительные.

В посланиях к президенту США и к председателю совета министров СССР я объявил, что буду рад предоставить себя в распоряжение всех сторон для любых услуг, которые я способен оказать. Я и сейчас повторяю это предложение.

За семнадцать лет, истекших со времени окончания второй мировой войны, никогда еще не было более опасного периода, более непосредственно угрожающего конфликта между великими державами. В период, когда опасность новой мировой войны была — или казалась — менее непосредственной, мой выдающийся предшественник сказал:

Принципы хартии далеко превосходят ту Организацию, которая сделала их своими, и преследуемые ими цели — выше политики любого отдельного государства или народа». И он еще сказал: «Нельзя, чтобы качества беспристрастности и сдержанности, которые налагают на генерального секретаря его непосредственные обязанности, вырождались в политику оппортунизма... В неизбежных пределах человеческой слабости и искреннего расхождения в мнениях — генеральный секретарь не может претендовать ни на что иное, как следить за тем, чтобы все государства-члены соблюдали принципы хартии»...

Оба вышеупомянутые послания были составлены мной после зрелого размышления, как и в этот

момент, в Совете Безопасности, краткое мое выступление, включающее призыв к президенту и премьер-министру Кубы.

Я надеюсь, что в данную минуту, не только в зале заседаний Совета, но и во всем мире здравый смысл и взаимопонимание возьмут верх над временным раздражением или гордыней народов. Вступить на путь переговоров и компромиссов — единственное средство спасти мир в этот критический момент.

**Президент Кеннеди — ген. секр. У Тану
25-ое октября 1962-го года.**

Ваше превосходительство,

Я высоко оценил содержание Вашего вчерашнего послания.

Как мы уже недвусмысленно заявили перед Советом Безопасности, настоящая угроза создалась вследствие тайного ввоза на Кубу наступательного оружия, и устранение ее зависит от удаления этого оружия.

Ваше послание, как и Ваше вчерашнее выступление в Совете безопасности, содержит некоторые предложения. Вы предлагаете начать предварительные переговоры с тем, чтобы выяснить, возможно ли прийти к удовлетворительному соглашению.

Посол Соединенных Штатов, А. Стивенсон, готов обсудить с Вами этот план.

Могу Вас уверить в нашем желании достичь удовлетворительного и мирного разрешения вопроса.

Джон Ф. Кеннеди.

Председатель совета министров Хрущев — ген. секр. У Тану.

25-ое октября 1962-го года.

Уважаемый г-н Тан,

Получил Ваше обращение и внимательно ознакомился с содержащим в нем предложением. Приветствую Вашу инициативу. Мне понятна Ваша озабоченность по поводу положения, сложившегося в районе Карибского моря, так-как советское правительство также рассматривает это положение как весьма опасное и требующее немедленного вмешательства Организации Объединенных Наций.

Заявляю Вам, что я согласен с Вашим предложением, отвечающим интересам мира.

С уважением,

Н. Хрущев.

Ген. секр. У Тан — президенту Кеннеди.

25-ое октября 1962-го года.

Я сегодня отправил дополнительное послание председателю совета министров Хрущеву, выражая мою крайнюю озабоченность тем, что советские суда, уже находящиеся на пути в Кубу, могут представить вызов карантину, наложенному Вашим правительством, и привести к столкновению в море между советскими судами и кораблями Соединенных Штатов, что могло бы повести к ухудшению положения. Я также выразил озабоченность тем, что такое столкновение и последую-

щее ухудшение положения разрушило бы какую-либо возможность обсуждений, предложенных мною в качестве прелюдии к переговорам о мирном урегулировании. В соответствии с этим, я выразил искреннюю надежду на то, что советские суда, уже находящиеся на пути в Кубу, получают инструкцию держаться в стороне от района перехвата, только в течение ограниченного времени, с тем, чтобы могли быть проведены обсуждения различных вариантов возможного соглашения, которое могло бы урегулировать проблему мирным путем в соответствии с уставом ООН.

В дополнение к моему вчерашнему посланию и заявлению в Совете Безопасности, я хотел бы теперь обратиться к Вашему превосходительству с призывом об издании инструкций кораблям Соединенных Штатов в Карибском море сделать все возможное, чтобы избежать непосредственного столкновения с советскими судами в ближайшие дни для уменьшения до минимума риска какого-нибудь нежелательного инцидента. Если бы я мог быть проинформирован о действиях, предпринятых Вашим правительством на основе этого обращения, я мог бы информировать председателя совета министров Хрущева, что я получил заверения с Вашей стороны о Вашем сотрудничестве во избежание всякого риска нежелательного инцидента. Я хотел бы выразить также надежду на то, что такое сотрудничество могло бы служить прелюдией к быстрому принципиальному соглашению, на основе которого сами карантинные меры смогли бы быть отменены в кратчайший срок.

У Тан,
и.о. генерального секретаря.

**Президент Кеннеди — ген. секр. У Тану.
25-ое октября 1962-го года.**

Ваше превосходительство,

Я получил Ваше второе сегодняшнее послание и попрежнему понимаю и приветствую Ваши усилия найти удовлетворительное разрешение вопроса. Я понимаю и разделяю Вашу озабоченность тем, чтобы были приняты все меры предосторожности во время предварительных переговоров. Если советское правительство примет и уважит Ваше предложение, чтобы « советские суда, уже находящиеся на пути в Кубу . . . держались в стороне от района перехвата » в течение ограниченного времени, необходимого для предварительных переговоров, то Вы можете быть уверенным в том, что наше правительство, в свою очередь, примет и уважит Ваше предложение, чтобы наши корабли в Карибском море сделали все возможное, чтобы избежать непосредственного столкновения с советскими судами в ближайшие дни для уменьшения до минимума риска какого-нибудь нежелательного инцидента ». Я должен, однако, известить Вас, что дело это не терпит отлагательства, так-как некоторые советские суда все еще продолжают продвигаться к Кубе и к району перехвата.

Я разделяю Вашу надежду на то, что председатель совета министров Хрущев тоже услышит Ваш призыв и что мы сможем быстро добиться удаления с Кубы наступательных средств с тем, чтобы прекратилась угроза миру. Должен обратить Ваше внимание на то, что в настоящее время работы по сооружению этих установок все еще продолжаются.

**У Тан, и.о. генерального секретаря ООН,
председателю Совета Министров СССР Хрущеву.
25 октября 1962 г.**

В дополнение к моему вчерашнему посланию и моему заявлению в Совете Безопасности я хотел бы обратить внимание Вашего превосходительства на мою крайнюю озабоченность тем, что советские суда, уже находящиеся на пути в Кубу, могут представить вызов карантину, наложенному Соединенными Штатами, и привести к столкновению в море между советскими судами и кораблями США, что могло бы повести к ухудшению положения. Больше всего у меня вызывает заботу то, что такое столкновение и последующее ухудшение положения разрушили бы какую-либо возможность обсуждений, предложенных мною в качестве прелюдии к переговорам о мирном урегулировании. В этих условиях я искренне надеюсь, что Ваше превосходительство сможет найти возможным проинструктировать советские суда, уже находящиеся на пути в Кубу, держаться в стороне от района перехвата только в течение ограниченного времени с тем, чтобы могли быть проведены обсуждения различных вариантов возможного соглашения, которое могло бы урегулировать проблему мирным путем в соответствии с уставом Организации Объединенных Наций.

Я уверен, что, если такие инструкции могли бы быть изданы Вашим превосходительством, власти Соединенных Штатов предпримут действие с тем, чтобы избежать непосредственного столкновения между их кораблями и советскими судами в течение того же периода времени для уменьшения до минимума риска какого-либо нежелательного инцидента.

Если бы я мог быть проинформирован о действиях, предпринятых Вашим превосходительством на основе этого обращения, предпринятых Вашим превосходительством на основе этого обращения, я мог бы информировать президента Кеннеди, что я получил заверения с Вашей стороны о Вашем сотрудничестве во избежание всякого риска нежелательного инцидента.

Одновременно я направляю обращение к президенту Кеннеди

У Тан,
Исполняющий обязанности
Ген. Секретаря.

Председатель совета министров Хрущев — ген. секр. У Тану.

26-ое октября 1962-го года.

Уважаемый г-н Тан,

Получил Вашу телеграмму от 25-го октября и ознакомился с ней. Мне понятно Ваше беспокойство за сохранение мира, и я высоко ценю Ваши усилия, направленные на предотвращение военного конфликта.

Действительно, если бы на подступах к Кубе возник какой-либо конфликт, — а он может стать неизбежным в результате пиратских мер США, — то это, несомненно, серьезно осложнило бы усилия по налаживанию контактов, с тем, чтобы на основе переговоров ликвидировать кризисное состояние, которое сейчас навязано миру агрессивными действиями Соединенных Штатов.

Поэтому мы принимаем Ваше предложение и дали указание капитанам советских судов, которые

находятся на подступах к Кубе, но еще не вошли в зону пиратских действий американских военных кораблей, держаться, как Вы рекомендуете, в стороне от района перехвата.

Но мы отдали этот приказ в надежде, что другая сторона поймет, что такое состояние, когда мы держим суда в открытом море без движения, должно быть только временным, и этот срок никак не может быть продолжительным.

Благодарю Вас за Ваши усилия и желаю успехов в Вашем благородном труде. Ваши усилия по обеспечению мира во всем мире всегда найдут понимание и поддержку с нашей стороны.

Советское правительство неизменно стремилось и стремится к укреплению ООН, — международной организации, которая является форумом для всех стран, независимо от их социально-политического устройства, с тем, чтобы возникающие конфликты урегулировались не путем войны, а путем переговоров.

С уважением,

Н. Хрущев.

Заявление Белого Дома.

26-ое октября 1962-го года.

Строительство на Кубе стартовых установок для баллистических ракет продолжается в быстром темпе. Благодаря непрерывному наблюдению, установленному самим президентом, поступили новые доказательства того, что с четверга, 25-го октября, на строительных площадках производятся определенные работы с явной целью привести, возможно быстрее, наступательные ракеты в полную боевую готовность.

Имеются доказательства, что со вчерашнего дня, 25-го октября, производятся крупные работы по сооружению установок для ракет промежуточного радиуса действия. Не далее, как в четверг, бульдозеры и подъемные краны были использованы для расчищения новых участков на площадках и улучшения дорог, ведущих к стартовым позициям.

Со вторника, 23-его октября, деятельность на строительных участках направлена также на завершение работ по установке ракет среднего радиуса действия. Работы эти постепенно подвигаются к концу. Например, 23-его октября можно еще было видеть ракеты, сложенные под открытым небом, а 25-го октября разведка установила, что часть этих ракет уже перемещена. Проведены кабели, соединяющие палатки, обретающие ракеты, с расположенными поблизости электрогенераторами.

В общем, по сегодняшний день нет никаких признаков демонтажа или остановки строительства на площадках. Напротив, Советы продолжают сооружать в быстром темпе ракетные установки и стартовые устройства, и пытаются, по мере возможности, камуфлировать свои усилия.

**Второе письмо председателя Совета Министров
Н. С. Хрущева президенту Кеннеди от 26-го
октября 1962-го года. ***

Уважаемый г-н Президент,

Я с большим удовлетворением ознакомился с Вашим ответом г-ну Тану о том, чтобы принять меры с тем, чтобы исключить соприкосновения наших судов и тем самым избежать непоправимых роковых последствий. Этот разумный шаг с Вашей стороны укрепляет меня в том, что Вы проявляете заботу о сохранении мира, что я отмечаю с удовлетворением.

Я уже говорил, что наш народ, наше правительство и я лично, как председатель Совета Министров, только и заботимся о том, чтобы развивалась наша страна и занимала бы достойное место среди всех народов мира в экономическом соревновании, в развитии культуры, искусства, повышении благосостояния народов. Это самое благородное и необходимое поприще для соревнования, и как победитель, так и побежденный в этом получают только благо, потому что это — мир и увеличение средств, которыми живет и наслаждается человек.

* В пятницу 26 октября Хрущев послал президенту Кеннеди два письма. Первое из них, неопубликованное, заключало «мягкие» предложения: СССР удалит ракеты с Кубы в обмен на снятие блокады и обещание Соединенных Штатов не вторгаться на Кубу. Второе письмо было составлено в более твердом тоне: в нем предлагалось, чтобы Соединенные Штаты удалили свои ракеты из Турции в ответ на удаление с Кубы советских ракет.

Вы в своем заявлении высказались за то, что главная цель не только в том, чтобы договориться и принять меры для предотвращения соприкосновения наших судов и, следовательно, углубления кризиса, который может от такого соприкосновения высечь огонь военного конфликта, после чего уже всякие переговоры будут излишни, т.к. другие силы, другие законы начнут действовать — законы войны. Я согласен с Вами, что это только первый шаг. Главное — это надо нормализовать и стабилизировать положение мира между государствами, между народами.

Ваша озабоченность о безопасности Соединенных Штатов мне понятна, г-н Президент, потому что это первая обязанность президента. Но эти же вопросы и нас волнуют, эти же обязанности лежат и на мне как на председателе Совета Министров СССР. Вас обеспокоило то, что мы помогли Кубе оружием с целью укрепить ее обороноспособность, потому что не может Куба, какое бы оружие она ни имела, равняться с вами, т.к. величины это разные, тем более при современных средствах истребления.

Наша цель была и есть — помочь Кубе, и никто не может оспаривать гуманности наших побуждений, направленных на то, чтобы Куба могла мирно жить и развиваться, так, как хочет ее народ. Вы хотите обезопасить свою страну, и это понятно. Но этого же хочет и Куба. Все страны хотят себя обезопасить. Но как же нам, Советскому Союзу, нашему правительству, оценивать ваши действия, которые выражаются в том, что вы окружили военными базами Советский Союз, окружили военными базами наших союзников, расположили военные базы буквально вокруг нашей страны, разместили там свое ракетное вооружение.

Это не является секретом. Американские ответственные деятели демонстративно об этом заявляют. Ваши ракеты расположены в Англии, расположены в Италии и нацелены против нас. Ваши ракеты расположены в Турции.

Вас беспокоит Куба. Вы говорите, что беспокоит она потому, что находится на расстоянии от берегов Соединенных Штатов 90 миль по морю. Но ведь Турция рядом с нами, наши часовые прохаживаются и поглядывают один на другого. Вы что же считаете, что вы имеете право требовать безопасности для своей страны и удаления того оружия, которое вы называете наступательным, а за нами этого права не признаете? Вы ведь расположили ракетное разрушительное оружие, которое вы называете наступательным, буквально под боком у нас. Как же согласуется тогда признание наших равных в военном отношении возможностей с подобными неравными отношениями между нашими великими государствами? Это никак невозможно согласовать.

Это хорошо, г-н Президент, что Вы согласились с тем, чтобы наши представители встретились и начали переговоры, видимо, при посредстве и.о. генерального секретаря ООН г-на Тана. Следовательно, он в какой-то степени берет на себя роль посредника, и мы считаем, что он может справиться с этой ответственной миссией, если, конечно, каждая, сторона, которая втянута в этот конфликт, проявит добрую волю.

Я думаю, что можно было бы быстро завершить конфликт и нормализовать положение, и тогда люди вздохнули бы полной грудью, считая, что государственные деятели, которые облечены ответственностью, обладают трезвым умом и сознанием своей ответственности, умением решать сло-

жные вопросы и не доводить дело до военной катастрофы.

Потому я вношу предложение: мы согласны вывезти те средства из Кубы, которые Вы считаете наступательными средствами. Согласны это осуществить и заявить в ООН об этом обязательстве. Ваши представители сделают заявление о том, что Соединенные Штаты со своей стороны, учитывая беспокойство и озабоченность Советского государства, вывезут аналогичные средства из Турции. Давайте договоримся, какой нужен срок для вас и для нас, чтобы это осуществить.

И после этого доверенные лица Совета Безопасности ООН могли бы проконтролировать на месте выполнение взятых обязательств. Разумеется, от правительства Кубы и от правительства Турции необходимо разрешение этим уполномоченным приехать в их страны и проверить выполнение этого обязательства, которое каждый берет на себя. Видимо, было бы лучше, если бы эти уполномоченные пользовались доверием и Совета Безопасности и нашим и вашим — Соединенных Штатов и Советского Союза, а также Турции и Кубы. Я думаю, что, видимо, не встретит трудностей подобрать таких людей, пользующихся доверием и уважением всех заинтересованных сторон.

Мы, взяв на себя это обязательство, с тем, чтобы дать удовлетворение и надежду народам Кубы и Турции и усилить их уверенность в своей безопасности, сделаем в рамках Совета Безопасности заявление о том, что Советское правительство дает торжественное обещание уважать неприкосновенность границ и суверенитет Турции, не вмешиваться в ее внутренние дела, не вторгаться в Турцию, не предоставлять свою территорию в качестве плацдарма для такого вторжения, а также будет удерживать тех, кто задумал бы совершить агрес-

сию против Турции как с территории Советского Союза, так и с территории соседних с Турцией государств.

Такое же заявление в рамках Совета Безопасности даст правительство США в отношении Кубы. Оно заявит, что Соединенные Штаты будут уважать неприкосновенность границ Кубы, ее суверенитет, обязуются не вмешиваться в ее внутренние дела, не вторгаться сами и не предоставлять свою территорию в качестве плацдарма для вторжения на Кубу, а также будут удерживать тех, кто задумал бы осуществить агрессию против Кубы, как с территории США, так и с территории других соседних с Кубой государств.

Конечно, для этого нам надо было бы договориться с вами и дать какой-то срок. Давайте договоримся дать какое-то время, но не затягивать, — недели 2-3, не больше месяца.

Находящиеся на Кубе средства, о которых Вы говорите и которые, как Вы заявляете, Вас беспокоят, находятся в руках советских офицеров. Поэтому какое-либо случайное использование их во вред Соединенным Штатам исключено. Эти средства расположены на Кубе по просьбе кубинского правительства и только в целях обороны. Поэтому, если не будет вторжения на Кубу или же нападения на Советский Союз или других наших союзников, то, конечно, эти средства никому не угрожают и не будут угрожать. Ведь они не преследуют цели нападения.

Если Вы согласны, г-н Президент, с моим предложением, тогда мы послали бы наших представителей в Нью Йорк, в ООН, и дали им исчерпывающие инструкции с тем, чтобы быстрее договориться. Если Вы тоже выделите своих людей и дадите им соответствующие инструкции, тогда этот вопрос можно будет быстро решить.

Почему я хотел бы этого ? Потому, что весь мир сейчас волнуется и ждет от нас разумных действий. Самой большой радостью для всех народов было бы объявление о нашем соглашении, о ликвидации в корне возникшего конфликта. Я придаю этому соглашению большое значение, поскольку оно могло бы послужить хорошим началом и, в частности, облегчить достижение соглашения о запрещении испытаний ядерного оружия. Вопрос об испытаниях можно было бы решить параллельно, не связывая одно с другим, потому что это разные вопросы. Но важно договориться по обоим этим вопросам с тем, чтобы сделать людям хороший подарок, обрадовать их вестью также и о том, что достигнуто соглашение о прекращении испытаний ядерного оружия и, таким образом, больше не будет заражаться атмосфера. А наши и ваши позиции в этом вопросе очень близки.

Все это, возможно, послужило бы хорошим толчком к отысканию взаимоприемлемых соглашений и по другим спорным вопросам, по которым у нас с Вами идет обмен мнениями. Эти вопросы пока не решены, но они ждут своего неотложного решения, которое расчистило бы международную атмосферу. Мы готовы к этому.

Вот мои предложения, г-н Президент.

С уважением к Вам,

Н. Хрущев.

Полный текст письма Хрущева напечатан в « Известиях », № 257 от 28-го октября 1962-го года. В книге Р. Кеннеди оно датировано 26 окт., а в « Известиях » — 27-ым. (Примечание редактора)

Письмо президента Кеннеди Хрущеву от 27-го окт. 1962-го г.

(Ответ на первое письмо председателя Совета Министров Хрущева от 26-го октября).

Дорогой г-н Председатель,

Я с большим вниманием прочел Ваше письмо от 26-го октября и приветствую Ваше желание искать быстрого разрешения кризиса. Однако, первое, что для этого требуется — это прекращение работ по сооружению на Кубе ракетных баз и демонтаж всех установок с наступательным вооружением, — в рамках договоренности в ООН. Предполагая, что эти меры будут проведены безотлагательно, я дал инструкции моим представителям в Нью Йорке, которые позволят им выработать к концу текущей недели — совместно с и.о. генерального секретаря и с Вашими представителями — соглашение об окончательном урегулировании кубинского вопроса соответственно предложениям, в общих чертах, выраженным в Вашем письме от 26-го октября. Эти предложения, если я их правильно понял, кажутся вполне приемлемыми и сводятся к следующему:

1. Вы согласны удалить с Кубы наступательное вооружение под соответствующим наблюдением и контролем ООН и обязуетесь, с должной гарантией, не доставлять этих наступательных средств на Кубу и впредь.

2. Как только вопрос этот будет улажен, — через посредство ООН, для обеспечения проведения обязательств в жизнь, — мы, со своей стороны, согласны: а) немедленно снять установленную в настоящее время блокаду, б) обязаться не совершать вторжения на Кубу. Я уверен, что к этому примкнут и другие страны Западного полушария.

Если Вы дадите сходные инструкции Вашему представителю, не будет причин такого соглашения не заключить и не огласить его в ближайшие дни. Разрядка напряженности во всем мире, которая последует за ним, позволит нам приложить все усилия к достижению договоренности более общего порядка, о « других вооружениях », согласно предложению, выраженному в Вашем втором — опубликованном — письме.

Я хочу повторить еще раз, что Соединенные Штаты весьма заинтересованы в разрядке напряженности и прекращении гонки вооружений. И если Ваше письмо означает, что Вы готовы приступить к переговорам об ослаблении напряжения между странами НАТО и странами Варшавского Договора, то мы вполне готовы рассмотреть, совместно с нашими союзниками, всякое полезное предложение.

Но первое условие — разрешите мне подчеркнуть — это прекращение работ по сооружению на Кубе ракетных баз и принятие мер к демонтажу их при условиях эффективной международной гарантии. Продление этой угрозы или продление дискуссии относительно Кубы с тем, чтобы связать ее с общими вопросами европейской или мировой безопасности, несомненно вызовет только обострение кубинского кризиса и угрозу миру всего мира. Поэтому я надеюсь, что мы сможем быстро прийти к соглашению, основываясь на предпосылках, изложенных в настоящем письме и в Вашем письме от 26-го октября.

Джон Ф. Кеннеди.

Заявление Белого Дома. 27-ое октября 1962-го года.

В последние 24 часа СССР сделал несколько несостоятельных и противоречивых предложений, включая предложение, опубликованное только что в Москве. В нем, переданном сегодня утром, затрагивается вопрос о безопасности государств, находящихся за пределами Западного полушария. Но нынешний кризис, вызванный тем, что советское правительство тайно доставило на Кубу наступательное оружие, угрожает безопасности стран именно Западного полушария, а не других. Строительство наступательных установок продолжает продвигаться в быстром темпе. Прежде всего, необходимо ликвидировать эту непосредственную опасность, без чего немыслимы никакие полезные переговоры.

Поэтому Соединенные Штаты считают, что предварительное условие для рассмотрения каких бы то ни было предложений, это прекращение — под международным контролем — работ по сооружению баз, демонтаж наступательных средств и прекращение их дальнейшей перевозки на Кубу.

Что касается предложений, имеющих отношение к безопасности стран, находящихся за пределами Западного полушария, то Соединенные Штаты и их союзники давно уже стремятся к обоюдному ограничению вооружений под надлежащим контролем. Усилия в этом направлении можно будет продолжить, как только нынешнему опасному положению, созданному Советами, наступит конец.

Письмо Хрущева президенту Кеннеди от 28-го октября 1962.

Уважаемый г-н Президент,

Получил Ваше послание от 27-го октября с.г.. Выражаю свое удовлетворение и признательность за проявленное Вами чувство меры и понимание ответственности, которая сейчас лежит на Вас за сохранение мира во всем мире.

Я отношусь с большим пониманием к Вашей тревоге и к тревоге народов Соединенных Штатов Америки в связи с тем, что оружие, которое Вы называете наступательным, действительно является грозным оружием. И Вы и мы понимаем, что это за оружие.

Чтобы скорее завершить ликвидацию опасного для дела мира конфликта, чтобы дать уверенность всем народам, жаждущим мира, чтобы успокоить народ Америки, который, как я уверен, так же хочет мира, как этого хотят народы Советского Союза, Советское правительство в дополнение к уже ранее данным указаниям о прекращении дальнейших работ на строительных площадках для размещения оружия, отдало новое распоряжение о демонтаже оружия, которое Вы называете наступательным, упаковке его и возвращении его в Советский Союз.

Господин Президент, я хотел бы еще раз повторить, о чем я уже писал Вам в своих предыдущих письмах, что Советское правительство предоставило правительству Республики Куба экономическую помощь, а также оружие, поскольку Куба, кубинский народ постоянно находились под непрерывной угрозой вторжения на Кубу.

С пиратского судна был произведен обстрел

Гаваны. Говорят, что стреляли безответственные кубинские эмигранты. Возможно, это и так. Но, спрашивается, откуда они стреляли. Ведь у них, у этих кубинцев, нет территории, они беглецы с родины, у них нет никаких средств для ведения военных действий.

Значит, кто-то вложил им в руки это оружие для обстрела Гаваны, для пиратских действий в Карибском море, в территориальных водах Кубы. Ведь немыслимая вещь в наше время не заметить пиратский корабль, да еще имея в виду такую насыщенность американских кораблей в Карибском море, с которых собственно все просматривается и наблюдается. И в таких условиях пиратские корабли свободно разгуливают вокруг Кубы, обстреливают Кубу, совершают пиратское нападение на мирные транспортные суда. Ведь известно, что они даже обстреляли и английское грузовое судно.

Словом, Куба находилась под непрерывной угрозой агрессивных сил, которые не скрывали своих намерений вторгнуться на территорию Кубы.

Кубинский народ хочет строить свою жизнь в своих интересах, без вмешательства извне. Это его право, и нельзя вменять ему в вину то, что он хочет быть хозяином своей страны, распоряжаться плодами своего труда. Угроза вторжения на Кубу и все другие затеи с созданием напряженной обстановки вокруг Кубы предназначены для того, чтобы породить неуверенность кубинского народа, запугать его, помешать ему спокойно строить свою новую жизнь.

Г-н Президент, я еще раз хочу ясно сказать, что мы не могли быть равнодушными к этому, и Советское правительство решило оказать помощь Кубе средствами защиты против агрессии, только средствами в целях обороны. Мы поставили туда

средства обороны, которые Вы называете средствами наступления. Поставили их для того, чтобы не было совершено нападения против Кубы, чтобы не было допущено необдуманных акций.

Я с уважением и доверием отношусь к Вашему заявлению, изложенному в Вашем послании 27-го октября 1962 г., что на Кубу не будет совершено нападение, не будет вторжения, причем не только со стороны Соединенных Штатов, но и со стороны других стран Западного полушария, как сказано в том же Вашем послании. Тогда и мотивы, побудившие нас к оказанию помощи такого характера Кубе, отпадают. Поэтому мы и дали указание нашим офицерам (а эти средства, как я уже сообщал Вам, находятся в руках советских офицеров) провести соответствующие меры по прекращению строительства указанных объектов, демонтажу их и возвращению их в Советский Союз. Как я Вам уже сообщал в письме 27-го октября, мы согласны с Вами договориться о том, чтобы представители ООН могли удостовериться в демонтаже этих средств.

Таким образом, если основываться на Ваших заверениях, которые Вы сделали, и наших распоряжениях о демонтаже, то налицо все необходимые условия для ликвидации создавшегося конфликта.

Я с удовлетворением отмечаю, что Вы откликнулись на мои пожелания о том, чтобы ликвидировать указанное опасное положение, а также создать условия для более вдумчивой оценки международного положения, чреватого большими опасностями в наш век термоядерного оружия, ракетной техники, космических кораблей, глобальных ракет и прочего смертоносного оружия. В обеспечении мира заинтересованы все люди. Поэтому мы, облеченные доверием и большой ответственностью, не должны допускать обострения

обстановки и должны ликвидировать очаги, где создана опасная ситуация, чреватая тяжелыми последствиями для дела мира. И если нам удастся вместе с Вами и с помощью других людей доброй воли ликвидировать эту напряженную обстановку, то мы должны также позаботиться о том, чтобы не возникало других опасных конфликтов, которые могут привести к мировой термоядерной катастрофе.

В заключение хочу сказать об урегулировании отношений между НАТО и государствами Варшавского Договора, о чем Вы упоминаете. Мы уже давно об этом говорили и готовы продолжать с Вами обмен мнениями по этому вопросу и найти разумное решение. Также хотим продолжить обмен мнениями о запрещении атомного, термоядерного оружия, о всеобщем разоружении и прочих вопросах, касающихся ослабления международной напряженности.

Г-н Президент, я доверяю Вашему заявлению, но, с другой стороны, есть безответственные люди, которые захотели бы сейчас осуществить вторжение на Кубу и тем самым развязать войну. Если мы делаем практические шаги и заявляем о демонтаже и эвакуации соответствующих средств с Кубы, то, делая это, мы одновременно хотим создать уверенность у кубинского народа в том, что мы находимся вместе с ним и не снимаем с себя ответственности за оказание помощи кубинскому народу.

Мы убеждены, что народы всех стран, как и Вы, г-н Президент, правильно меня поймут. Мы не угрожаем. Мы хотим только мира. Наша страна сейчас находится на подъеме. Наш народ наслаждается плодами своего мирного труда. Он достиг огромных успехов после Октябрьской революции, создал величайшие материальные, духовные и

культурные ценности. Наш народ пользуется этими ценностями и хочет развивать дальше свои успехи, хочет своим упорным трудом обеспечить дальнейшее развитие по пути мира и социального прогресса.

Я хотел бы, г-н Президент, напомнить Вам, что военные самолеты разведывательного характера нарушали границы Советского Союза, в связи с чем у нас с вами были конфликты, имел место обмен нотами. В 1960 г. мы сбили ваш самолет У-2, разведывательный полет которого над СССР привел к тому, что была сорвана встреча в верхах в Париже. Вы заняли тогда правильную позицию, осудив это преступное действие прежнего правительства США.

Но уже за время Вашего пребывания на посту президента имел место второй случай нарушения нашей границы американским самолетом У-2 в районе Сахалина. Мы уже Вам писали об этом нарушении 30 августа. Вы тогда ответили нам, что это нарушение произошло в результате плохой погоды, и дали заверение, что этого не повторится. Мы с доверием отнеслись к Вашему заверению, потому что действительно в этом районе была тогда плохая погода.

Однако, если бы не было заданий вашим самолетам летать около нашей территории, то и плохая погода не могла бы завести американский самолет в наше воздушное пространство. Отсюда следует вывод, что это делается с ведома Пентагона, который попирает международные нормы и нарушает границы других государств.

Еще более опасный случай имел место 28 октября, когда Ваш разведывательный самолет вторгся в пределы Советского Союза на севере, в районе Чукотского полуострова, и пролетел над нашей территорией. Спрашивается, г-н Президент, как

мы должны это расценивать? Что это — провокация? Ваш самолет нарушает нашу границу, да еще в такое тревожное время, которое мы с вами переживаем, когда все приведено в боевую готовность. Ведь американский самолет-нарушитель вполне можно принять за бомбардировщик с ядерным оружием, и это может толкнуть нас на роковой шаг. Тем более, что правительство США и Пентагон давно уже заявляют о том, что у вас непрерывно дежурят в полете бомбардировщики с атомными бомбами. Поэтому Вы можете себе представить, какую ответственность Вы берете на себя, особенно сейчас, в такое тревожное время, которое мы переживаем с вами.

Я бы просил правильно это оценить и принять соответствующие меры, чтобы это не послужило провокацией к развязыванию войны.

Я бы хотел также высказать Вам следующее пожелание. Конечно, это дело кубинского народа. У Вас нет сейчас дипломатических отношений, но я через своих офицеров, которые находятся на Кубе, имею донесения, что практикуются полеты американских самолетов над Кубой.

Мы заинтересованы в том, чтобы вообще в мире не было войны и чтобы кубинский народ жил спокойно. Но кроме того, г-н Президент, не секрет, что мы имеем своих людей на Кубе. По договору с кубинским правительством мы имеем там офицеров, инструкторов, которые обучают кубинцев, большей частью — простых людей: специалистов, агрономов, зоотехников, ирригаторов, мелиораторов, просто рабочих, трактористов и других. Мы заботимся о них.

Я бы просил Вас, г-н Президент, учесть, что нарушение воздушного пространства Кубы американскими самолетами также может иметь опасные последствия. И если Вы не хотите этого, тогда

не следовало бы давать повод к тому, чтобы создавалась опасная ситуация.

Мы сейчас должны быть очень осторожны и не делать таких шагов, которые не принесут пользы обороне государств, вовлеченных в конфликт, а лишь могут вызвать раздражение и даже явиться провокацией для рокового шага. Поэтому мы должны проявить трезвость, разумность и воздержаться от таких шагов.

Мы ценим мир, может быть, даже больше, чем другие народы, потому что мы пережили страшную войну с Гитлером. Но наш народ не дрогнет перед любым испытанием, наш народ доверяет своему правительству, а мы заверяем свой народ и мировую общественность, что Советское правительство не даст себя спровоцировать. Но если провокаторы развяжут войну, то они не уйдут от ответственности и от тяжелых последствий, которые принесет им война. Но мы убеждены в том, что победит разум, война не будет развязана и будет обеспечен мир и безопасность народов.

В связи с ведущимися сейчас переговорами и.о. генерального секретаря, господина Тана с представителями Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Республики Куба, Советское правительство направило в Нью Йорк первого заместителя министра иностранных дел СССР В.В. Кузнецова для оказания содействия г-у Тану в его благородных усилиях, направленных к ликвидации сложившегося опасного положения.

С уважением к Вам,

Н. Хрущев.

(Текст этого письма воспроизведен полностью в № 258 «Известий» от 30-го октября 1962-го года).

(Примечание редактора)

Заявление президента Кеннеди по получении письма председателя совета министров Хрущева 28-го октября 1962-го года.

Я приветствую решение председателя Совета министров Хрущева, — решение, достойное государственного деятеля, — о демонтаже наступательного оружия и возвращении его в Советский Союз под контролем ООН. Это важный, конструктивный вклад в дело мира.

Мы сохраним контакт с генеральным секретарем ООН для проведения обоюдных мер к обеспечению мира в районе Карибского моря.

Я твердо надеюсь на то, что с разрешением кубинского кризиса правительства всего мира смогут безотлагательно уделить должное внимание назревшей необходимости покончить с гонкой вооружений, как и разрядке мировой напряженности. Это относится к военным соотношениям стран Варшавского Договора и стран НАТО, а также к другим ситуациям в других частях света, где напряженность ведет только к непродуктивному расходованию средств на вооружение.

Письмо президента Кеннеди председателю Совета Министров Хрущеву от 28-го октября 1962-го года.

Уважаемый г-н Председатель,

Я сразу же отвечаю на Ваше послание от 28-го октября, переданное по радио, хотя я еще не получил официального текста, т.к. придаю огромное значение тому, чтобы действовать быстро в целях разрешения кубинского кризиса.

Я думаю, что Вы и я при той огромной ответ-

ственности, которую мы несем за поддержание мира, сознавали, что события приближались к такому положению, когда они могли выйти из-под контроля. Поэтому я приветствую Ваше послание и считаю его важным вкладом в дело обеспечения мира.

Похвальные усилия и.о. генерального секретаря У Тана значительно облегчили Вашу и мою задачу. Я рассматриваю свое письмо Вам от 27-го октября и Ваш сегодняшний ответ как твердые обязательства обоих наших правительств, которые следует быстро осуществить. Я надеюсь, что можно будет через Организацию Объединенных Наций немедленно принять необходимые меры, как говорится в Вашем послании, с тем, чтобы Соединенные Штаты в свою очередь были в состоянии отменить осуществляемые сейчас меры карантина. Я уже отдал распоряжение о том, чтобы доложить о всех этих вопросах Организации Американских Государств, члены которой глубоко заинтересованы в подлинном мире в районе Карибского моря.

В своем письме Вы упоминаете о нарушении ваших границ американским самолетом в районе Чукотского полуострова. Мне стало известно, что этот самолет, не имевший ни вооружения, ни аппаратуры для фотографирования, брал пробы воздуха в связи с Вашими ядерными испытаниями. Его курс пролегал прямо с военно-воздушной базы Эйлсон, на Аляске, к Северному полюсу и обратно. При повороте на юг летчик допустил серьезную навигационную ошибку, в результате которой он оказался над советской территорией. Он немедленно запросил по открытому радио срочную навигационную помощь, и его кратчайшим путем направили на его исходную базу. Я сожалею об этом инциденте и позабочусь о том,

чтобы были приняты все меры предосторожности для предотвращения его повторения.

Г-н Председатель! Перед обеими нашими странами стоят важные задачи, которые предстоит завершить, и я знаю, что как Ваш народ, так и народ Соединенных Штатов не желают ничего лучшего, как продолжать выполнение этих задач, не опасаясь войны. Современная наука и техника дали нам возможность сделать труд таким плодотворным, что всего лишь несколько десятилетий назад об этом нельзя было даже и мечтать.

Я согласен с Вами, что мы должны срочно заняться проблемой разоружения в ее всемирном аспекте, а также в аспекте критических районов. Может быть, теперь, когда мы отходим от опасности, мы сможем сообща добиться реального прогресса в этой жизненно важной области. Я думаю, что нам следует предоставить приоритет вопросам, связанным с распространением ядерного оружия на земле и в космическом пространстве, а также энергичным попыткам добиться запрещения ядерных испытаний. Но нам следует также приложить больше усилия, чтобы попытаться выяснить возможность достижения договоренности о более широких мерах по разоружению и их быстрому осуществлению. Правительство Соединенных Штатов будет готово, — в конструктивном духе — обсудить эти вопросы в Женеве или где-либо в другом месте.

Дж. Ф. Кеннеди.

(« Известия » № 258 от 30-го октября 1962 г.)

(Примечание редактора)

Речь президента Кеннеди о Кубе 2-ого ноября 1962-го года.

Дорогие сограждане, я пользуюсь случаем, чтобы сообщить вам, что — как на основании фотоснимков, сделанных вчера с воздуха и которые будут опубликованы завтра, так и на основании других данных, — наше правительство пришло к следующему заключению: советские стартовые установки на Кубе демонтируются, ракеты и вспомогательное оборудование упаковываются, а стационарные установки разрушаются.

Соединенные Штаты намерены внимательно следить за продвижением этих работ, используя различные средства, включая воздушную разведку, до тех пор, пока не будет установлен столь же эффективный международный контроль.

Хотя карантинные меры остаются пока в силе, мы надеемся, что будет создана система международного контроля также и над грузовыми судами, направляющимися к Кубе. Подходящим для этого организмом мог бы быть, мы считаем, Международный комитет Красного Креста.

Сохранение в силе принятых нами мер — как в воздухе, так и на море, — пока не устранена окончательно угроза миру, созданная наличием наступательных средств, соответствует принятому нами обязательству добиться вывоза этого вооружения с нашего материка или ликвидации его. Обязательство наше отвечает резолюции Организации американских государств и находится в согласии с письмами, которыми мы обменялись с председателем Совета министров Хрущевым 27-го и 28-го октября.

Теперь мы приближаемся к восстановлению мира в районе Карибского моря и твердо надеемся, что дело быстро пойдет на лад. В этом — наша

цель. Попрежнему, мы будем держать американский народ в курсе этого жизненного для него вопроса.

Заявление президента Кеннеди по поводу Кубы 20-го ноября 1962-го года.

Председатель Совета министров Хрущев сообщил мне сегодня, что все бомбардировщики «ИЛ-28», находящиеся на Кубе, будут вывезены оттуда в тридцатидневный срок. Он также выразил согласие на то, чтобы отгрузка этих самолетов происходила под нашим наблюдением, и чтобы численность их проверялась. Принимая во внимание, что эта мера сильно способствует ослаблению опасности, угрожавшей нашему континенту четыре недели назад, я сегодня проинструктировал министра обороны снять установленный нами морской карантин.

В связи с этим решением, я пользуюсь случаем, чтобы информировать американский народ о нынешней стадии кубинского кризиса и рассказать о том, что было сделано до сих пор на основе договоренности, достигнутой обменом письмами между главой советского правительства Хрущевым и мной 27-го и 28-го октября. Как известно, председатель Совета министров Хрущев выразил согласие удалить с Кубы наступательные средства, не доставлять таковых на Кубу и впредь, а также — допустить, чтобы представители ООН контролировали выполнение этих обязательств. Мы, со своей стороны, обязались — как только вопрос о контроле будет улажен — снять установленную вокруг Кубы морскую блокаду и не совершать на Кубу вторжения.

Данные, которыми мы располагаем по сегодняшней день, указывают на то, что демонтаж всех ракетных сооружений, о существовании которых нам известно, закончен. Ракеты и дополнительное оборудование погружены на советские корабли. Инспекция этих отплывающих кораблей, произведенная нами в море, подтвердила, что все ракеты, число которых было указано Советским правительством и которое точно соответствовало нашим собственным сведениям, с Кубы теперь удалены. Кроме того, Советское правительство сообщило, что с Кубы удалено также все термоядерное оружие и что больше оно на Кубу доставляться не будет.

Несмотря на все это, некоторые условия договоренности, достигнутой 27-го и 28-го октября, все еще не выполнены. Представители ООН еще не получили разрешения от кубинского правительства проверить на месте, все ли наступательное оружие удалено. Нет также прочной гарантии в том, что в будущем оружие это на Кубу возвращено не будет.

Следовательно, если наше правительство хочет попрежнему обеспечить континент от присутствия на нем наступательных средств, у него нет другого выбора, как самому продолжать надзор за военной деятельностью на Кубе. Об эффективности надзора этого можно судить по тому факту, что в последние дни мы обнаружили ряд советских сухопутных подразделений. Правда, по полученной нами информации, части эти, как и другие, предназначались для охраны наступательных сооружений и будут вывезены с Кубы в должное время.

Повторяю: мы ничего так не желаем, как вступления в силу международного контроля и инспекции на Кубе, и мы готовы приложить все

усилия к достижению соответствующего соглашения. По пока суть да дело — некоторые трудные вопросы остаются неразрешенными. Если, под соответствующими контролем и гарантией, все наступательное оружие будет с Кубы забрано и не будет возвращено на наш континент и впредь, если Куба не будет использована как плацдарм для агрессивных коммунистических целей, то — поскольку от нас зависит — в районе Карибского моря будет царить мир. И — как я заявил в сентябре — мы и сами не развяжем агрессии, и не позволим никому другому в Западной полушарии развязать ее.

Это не значит, конечно, что мы откажемся от политических, экономических и других усилий, чтобы оградить американский континент от подрывной деятельности, исходящей с Кубы, ни что мы перестанем желать и надеяться, что когда-нибудь кубинский народ станет действительно свободным. Но такая позиция в корне отличается от планов военного вторжения.

Одним словом, итог последних недель — несомненно положительный, и можно надеяться, что положение будет продолжать улучшаться. Выполнение обеими сторонами принятых на себя обязательств и ликвидация кубинского кризиса мирным путем расчищают, возможно, путь к урегулированию и других, еще не разрешенных, проблем.

Мне хочется добавить еще одно. В эти дни — в неделю празднования памяти первых колонистов, — мы должны быть благодарны за многое, особенно, если оглянемся туда, где находились всего лишь четыре недели назад. Мы должны быть благодарны за единство нашего континента, за поддержку наших союзников, за спокойную решимость американского народа. Возможно, что в

текущее десятилетие качества нашего народа подвергнутся испытанию еще много раз, но у нас есть все основания верить в то, что высокие эти качества будут продолжать — в грядущие годы — служить делу свободы.

ROSSEELS PRINTING C°
Vaartstraat 70 - 72
B-3000 LEUVEN Belgium
